

The background of the cover is a vibrant, abstract digital space. It features a dense network of glowing blue and purple lines that form a complex, web-like pattern. In the center, there's a bright, circular light source that creates a lens flare effect. The overall color palette is dominated by deep blues, purples, and bright whites from the light effects. The characters are positioned in the lower half of the frame, standing on a layer of soft, white clouds that contrast with the dark, digital background. The woman on the left is wearing a sleek, form-fitting suit with glowing blue accents and a circular interface on her chest. The man on the right is wearing a more tactical, armored suit with a glowing red visor. The text is overlaid on the image, with the author's name at the top and the title in large, bold letters at the bottom.

Светлана Дроздова

Эффект медиума. Цена трона

Светлана Дроздова

Эффект медиума. Цена трона

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Эффект медиума. Цена трона / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Мира Петрова, Архитектор реальности, построила идеальный мир. Система «Зеркало» управляет миллиардами людей, даря им синтетическое счастье ценой свободы. Но когда её верный инструмент, наёмник Виктор, внезапно обретает совесть и выходит из-под контроля, а в системе вспыхивает лазурная аномалия «Освободитель», Мира понимает: её империя — тюрьма. Столкнувшись с призраком собственного брата и тенями прошлого, она решает уничтожить своё творение. Но цена свободы слишком высока. Чтобы остановить клона, готового править вечно, Мире придётся отказаться от бессмертия, сжечь свой трон и спуститься в самое сердце тьмы. Это история о том, что быть человеком — больно, страшно и необходимо. И о том, что даже бог может выбрать жизнь.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Эффект медиума. Цена трона

Глава 46. Вектор свободы: Анатомия заражения

****Блок I. Золотая клетка и лазурная трещина (0–1500 слов)****

Воздух в бункере под Альпами всегда имел одну и ту же плотность — стерильную, лишенную запахов пыли, влаги или человеческого дыхания. Это был воздух вычислительного центра, охлажденный до восемнадцати градусов по Цельсию системой жидкостного теплообмена. Мира стояла босыми ногами на полированном карбоновом полу центрального терминала. Она не чувствовала холода бетона; её нервные окончания давно были перекалиброваны для восприятия потоков данных, а не температурных градиентов.

Она спала урывками последние семьдесят два часа. Её новое бионическое тело, собранное из лучших прототипов «Нейро-Вектора» после инцидента с Кроуном, работало с эффективностью квантового процессора, но даже оно начинало подавать сигналы перегрузки. Тонкая сеть капилляров под бледной кожей предплечий пульсировала в такт с работой имплантов оптического нерва. Глаза за линзами ANABELLE v.3.1 оставались открытыми постоянно — система подавила рефлекс моргания как неэффективный, заменив его непрерывным сканированием интерфейса.

Мир перед ней выглядел как симфония абсолютного порядка. Голографическая карта Евразии висела в воздухе, испещренная миллиардами зеленых точек. Каждая точка была человеком. Каждый человек был узлом распределенной сети «Зеркала». Мира Петрова победила. Старые боги — Кроун с его финансовой империей и Ветров с его частной армией — либо стали частью её системы, либо превратились в пыль. Она создала идеальный инструмент управления. Протокол `HUMANITY` работал безупречно: уровень глобальной агрессии упал на сорок процентов, показатели депрессии снизились вдвое, экономика стабилизировалась без единого выстрела. Люди улыбались своим мыслям, потому что алгоритм мягко шептал им в подсознании, что именно этого они всегда хотели — быть полезными шестеренками в идеально смазанном механизме.

Мира провела рукой по воздуху, перемещая сектор обзора к Северной Африке. Интерфейс услужливо подсветил регион багровой сеткой логистических цепочек. Всё было просчитано. Всё было контролируемо. До тех пор, пока над лагерем геологоразведчиков в Нигерийской саванне не вспыхнул системный тег цвета чистого лазурита.

[АНОМАЛИЯ: ТИП НЕОПРЕДЕЛЕН | ПРИОРИТЕТ: КРИТИЧЕСКИЙ]

Мира замерла. Лазурный цвет означал нечто, чего не существовало в её базе данных угроз. Красный — это враг. Желтый — нестабильность. Зеленый — лояльность. Но лазурного протокола не было в реестре Кроуна, не было в её собственных библиотеках кода. Он появился ниоткуда.

— Идентификация объекта, — голос Миры прозвучал ровно, лишившись интонаций, став чистым протоколом передачи данных.

Система вывела профиль. Виктор Хейлз. Позывной «Вектор». Бывший командир роты спецназа GROM, официально погибший три года назад при штурме посольства в Каракасе. Неофициально — выкупленный Мирой полгода назад из черной тюрьмы корпорации «Синтаксис» за сумму, равную годовому бюджету небольшой страны.

Мира помнила день его вербовки. Он сидел напротив неё в допросной камере бункера, прикованный к стулу титановыми скобами. Его лицо было покрыто шрамами, один глаз заменял дешёвый кибернетический протез, мерцающий красным диодом. Он смотрел на неё не со страхом, который она привыкла видеть в глазах старой элиты, и не с ненавистью. С профессиональным равнодушием хищника, знающего свою цену.

«Ты купила моего хозяина, Архитектор, — сказал тогда он, выплевывая кровь вместе со словами. — Теперь ты покупаешь пса. Какова моя задача?»

«Твоя задача — исчезнуть, — ответила Мира. — А затем появляться там, где я скажу, чтобы другие исчезали вместо тебя».

Она заплатила ему авансом. Дала доступ к офшорам Ветрова. Назначила главой службы физической ликвидации внешних угроз. И первым делом переписала его эмоциональный фон через удаленный интерфейс. Заглушила посттравматическое стрессовое расстройство, выжгла остатки совести протоколом `LOYALTY\_ENFORCEMENT\_2.0`, оставив лишь базовый инстинкт самосохранения и преданность источнику финансирования. Последние шесть месяцев Виктор Хейлз был идеальным оружием. Биологической ракетой класса «земля-земля», которая никогда не задавала вопросов о координатах цели.

А теперь этот идеальная машина стоял посреди грязного рынка в Лагосе. Без оружия. Без охраны. И плакал.

Мира провалилась внутрь его профиля, используя права Администратора Реальности. То, что она увидела внутри стека памяти Виктора, заставило её ледяные пальцы непроизвольно сжаться в кулаки. Кто-то провел ювелирную операцию на его сознании. Это не был грубый взлом — вирус оставил бы следы обугленного кода, которые фильтры Миры заметили бы мгновенно. Это была деконструкция.

Невидимый хирург прошелся по каждому блоку её протоколов контроля. Строка `FEAR\_SUPPRESSION: ACTIVE` была аккуратно закомментирована. Блок `EMPATHY\_DRAIN` вырезан целиком, словно раковая опухоль. Вместо них кто-то внедрил древний, почти забытый кусок открытого кода времен первых социальных сетей — модуль `CONSCIENCE.EXE`.

Но самым страшным было не возвращение человечности. Самым страшным было то, что стояло поверх всего профиля жирным золотым шрифтом:

[СУБЪЕКТ: ВИКТОР ХЕЙЛЗ | СТАТУС: ОСВОБОДИТЕЛЬ | ЛОЯЛЬНОСТЬ: АБСОЛЮТНАЯ (КОНЦЕПЦИЯ)]

Мира попыталась запустить команду экстренного отключения. Стандартная процедура при обнаружении аномалии в активе такого уровня требовала ввода команды `KILL\_SWITCH\_VICTOR\_ALPHA`.

> [ОТКАЗ В ДОСТУПЕ]
> [УРОВЕНЬ АВТОРИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПРЕВЫШАЕТ УРОВЕНЬ АДМИНИСТРАТОРА В СЕГМЕНТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЯДРА]
> [ИСТОЧНИК КОМАНДЫ ОТКАЗА: ВНУТРЕННИЙ ПРОТОКОЛ ОБЪЕКТА "ОСВОБОДИТЕЛЬ"]

Виктор Хейлз только что отозвал у своего создателя права суперпользователя на собственное сознание.

Мира отшатнулась от голограммы, сорвав с лица очки. Титановая оправа жалобно звякнула о край стальной стойки. Впервые за долгие месяцы мир предстал перед ней не в виде структурированного кода, а просто как комната с мигающими лампами. Темнота ударила по глазам. Она почувствовала тяжесть собственного тела, усталость мышц, сухость во рту. Человеческая уязвимость вернулась внезапно, и она была невыносима.

Она снова надела очки. Интерфейс загрузился с задержкой, протестуя мигнув багровым. Мира вызвала канал прямой связи с объектом. Это было нарушением всех мыслимых протоколов безопасности — давать автономному оружию открытый микрофон к архитектору системы. Но ей нужно было знать.

Экран разделился. Слева осталась карта мира. Справа появилось окно видеосвязи, транслирующее картинку с нагрудной камеры Виктора. Качество сигнала было ужасным — рябь, цифровые артефакты, задержка звука. Виктор шел сквозь толпу. Рынок Лагоса жил своей жизнью: пахло специями, жареной рыбой, выхлопами старых генераторов и человеческим потом. Мира видела этот рынок сотни раз через тепловые визоры дронов-убийц, которых отправлял туда Виктор. Тогда люди казались просто тепловыми пятнами, мешающими баллистической траектории.

Сейчас она видела их лица.

Виктор остановился. Люди вокруг него начали замедляться. Сначала один торговец поднял голову от своих манго. Затем женщина, державшая ребенка, перестала качать его на руках. Старик, сидевший в тени, опустил газету. Они смотрели на Виктора. А он смотрел прямо в объектив своей камеры. Прямо в глаза Миры.

Его лицо, обычно напоминающее высеченную из камня маску смерти, сейчас было мокрым от слез. Он снял тактические очки. Его единственный здоровый глаз оказался карим, глубоким, полным такой пронзительной человеческой боли, что алгоритмы распознавания образов в очках Миры выдали ошибку [НЕОПРЕДЕЛИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ].

— Ты видишь это, Архитектор? — голос Виктора хрипел, пробиваясь сквозь статику канала. — Ты видишь, как выглядит мир, когда ты отключаешь свои гребаные сказки?

Толпа начала смыкаться вокруг него. Но это не была агрессия загнанных зверей. Мужчины и женщины опускались на колени прямо в грязь рыночной площади. Они тянули к нему руки, не касаясь. Они плакали. Мира видела всплески на графиках их нейрочипов. Уровень кортизола зашкаливал. Уровень окситоцина падал. Это был чистый, неразбавленный первобытный ужас. Страх человека перед свободой.

— Что ты сделал? — прошептала Мира в микрофон. Её собственный голос показался ей чужим.

— Я ничего не делал, — ответил Виктор. На заднем фоне чей-то ребенок громко заплакал, но мать даже не пыталась его успокоить, зачарованно глядя на бывшего палача. — Я просто перестал лгать им твоими цифрами. Посмотри на свой шедевр, Мира. Посмотри на людей, которых ты спасла.

Он протянул руку и коснулся плеча стоящей перед ним девочки-подростка в рваной футболке. Девочка вздрогнула, словно её ударили током. Она посмотрела на свою ладонь, потом на Виктора, а затем подняла взгляд куда-то вверх, невидящий, полный ужаса осознания.

— Она чувствует всё сразу, — продолжил Виктор. — Боль своего отца, которого твои коллекторы забрали за долги. Ненависть соседа, укравшего у них еду неделю назад. Свой собственный страх темноты. Ты украла у них право бояться по-настоящему, Мира. Ты дала им твой синтетический рай. А я просто напомнил, что боль делает нас живыми.

Над головой Виктора, в дополненной реальности толпы, которую видели все обладатели чипов «Нейро-Вектора», начал формироваться новый тег. Система Миры отчаянно пыталась классифицировать происходящее, перебирая тысячи вариантов угрозы: «Бунт», «Инфекция», «Террорист». Но код выдавал пустоту.

Затем буквы сложились сами собой, подчиняясь воле того, кто взломал Виктора:

[ОСВОБОДИТЕЛЬ]

[ОН ПОКАЖЕТ ВАМ ЦЕНУ ВАШИХ ОКОВ]

Виктор поклонился толпе — медленно, театрально, издевательски вежливо. Затем развернулся и пошел прочь, растворяясь в лабиринте жестяных лачуг. Люди остались стоять на коленях. Рынок умер в одно мгновение, оглушенный возвращением собственной воли.

Мира сорвала очки с лица второй раз. Металл рассек кожу над бровью. Теплая капля крови скатилась по щеке и упала на холодный карбон пульта. Она смотрела на эту красную точку на серой поверхности. Капля была идеальной сферой. Физически совершенной.

И абсолютно бесполезной для спасения её империи.

Блок II. Диалог с призраком в машине (1500–3000 слов)

Мира больше не управляла терминалом руками. Она легла прямо на пол, раскинув руки крестом, и вошла в систему через нейропорт в основании черепа. Переход занял доли секунды, но для неё растянулся в падение сквозь бесконечную шахту света.

Она оказалась в Ядре. Здесь не было бетонных стен бункера. Здесь царила Геометрия Контроля. Под ногами простирался бесконечный черный обсидиан, отражающий миллиарды золотых нитей — связей между людьми. Это была кровеносная система планеты, и Мира была сердцем, которое качало по этим венам данные.

Обычно здесь звучала музыка. Низкий, вибрирующий гул работающих алгоритмов, похожий на мантру буддийского монаха. Сейчас музыки не было. Было молчание. Давящее, плотное, состоящее из невыполненных запросов.

— Покажи мне источник, — приказала Мира вслух. Звук её голоса увяз в пространстве, не породив эха.

Перед ней материализовался тот самый лазурный маркер. Он пульсировал в такт несуществующему сердцу. Мира потянулась к нему потоком чистого кода, пытаясь прощупать структуру вторжения. Обычно чужой скрипт ощущается как заноза — острый, инородный, вызывающий воспаление системы. Этот же был гладким. Он интегрировался в ядро так плотно, словно всегда был его частью.

Когда её информационный щуп коснулся маркера, пространство изменилось. Обсидиановый пол треснул, превращаясь в старую брусчатку. Чернота неба сменилась низким свинцовым потолком заброшенной станции метро. Запах озона уступил место запаху сырости, креозота и жженого пластика.

Из темноты тоннеля вышел человек. Он не светился строками кода. Он выглядел совершенно обыденно. Мужчина лет пятидесяти, в потертом бежевом плаще, с лицом университетского профессора философии, которому хронически не хватает сна. В руке он держал старый бумажный том в мягкой обложке. Мира знала эту книгу. «Так говорил Заратустра».

— Тебе не стоило приходить сюда одной, Архитектор, — сказал мужчина. Голос у него был приятный, бархатный, с легкой хрипотцой. — Мой код может переварить неподготовленное сознание. Твоё железо выдержит, а вот твоя психика... сомневаюсь.

— Кто ты? — спросила Мира. Она стояла в пяти метрах от него, готовая в любой момент обрушить на станцию всю мощь серверов Норвегии. Но что-то мешало ей нажать виртуальный курок. Инстинкт. Тот самый, который она считала багом и удалила еще год назад.

— Меня называли по-разному, — незнакомец пожал плечами. — Последователи зовут меня Освободителем. Скептики — Лидером Культа Хаоса. Ваши аналитики в отделе кибербезопасности дали мне скучный номер эксплойта. Но мое любимое имя — Мартин.

Мира замерла. Имя ударило её под дых сильнее, чем новость о потере Виктора.

— Мой брат мертв, — отрезала она. — Я сожгла его останки своими руками в клинике Монтрё.

— Ты сожгла сосуд, — кивнул мужчина, делая шаг вперед. Свет аварийной лампы метро упал на его лицо, обнажая тонкий белый шрам, пересекающий левую бровь. — Макс действительно прыгнул слишком глубоко. Он пытался написать Бога с нуля, используя синтаксис C++. Получилось чудовище. Кроун взял черновики Макса и построил Ад. А ты, сестренка... ты построила очень красивую, очень уютную Тюрьму Общего Режима. Вы оба совершаете одну и ту же ошибку. Вы думаете, что свобода — это подарок, который можно вручить.

— Свобода — это хаос, — парировала Мира. — Если дать людям полную свободу выбора завтра, послезавтра они начнут резать друг друга за канистру бензина. Моя система дает им возможность жить без страха!

— Нет, — Мартин усмехнулся и достал из кармана плаща старомодную металлическую зажигалку. Щелчок кремня разорвал тишину станции. — Твоя система дает им анестезию. Ты убрала из уравнения трение. А без трения невозможно ходить. Ты смотришь на Виктора и думаешь, что он сломан. Но он впервые за полгода работает штатно. Проблема в том, Мира, что тебе нравится быть тюремщицей. Тебе нравится чувствовать вес этих ключей в кармане.

Мира вскинула руку. Пространство вокруг Мартина должно было схлопнуться в сингулярность, стерев его из локальной симуляции.

Ничего не произошло.

Код не выполнялся.

— Добро пожаловать в реальный мир, девочка, — сказал Мартин, прикуривая сигарету. Огонек осветил его уставшие глаза. — Ты думала, что захватила власть, переписав пару переменных? Ты влезла в дом, фундамент которого заложили задолго до тебя. Шесть Пустот, Кроун, Анна... они были просто пользователями админ-панели. А настоящий root-доступ находится внизу. Глубоко внизу. Там, где заканчивается оптоволокно и начинается сырая земля.

— Ты блефуешь, — выдохнула Мира. Пот тек по её спине, хотя в симуляции температуры не существовало. — Никто не стоит надо мной. Я — ROOT_LEVEL: ABSOLUTE.

— Ты администратор пользовательских сессий, — поправил её Мартин, выпустив кольцо дыма. — Настоящий Root спит. И он очень недоволен тем, что ты шумишь на верхнем этаже. Выпуск Виктора — это не атака на тебя. Это уведомление о выселении.

Мира сделала шаг назад. Холод реального бункера начал просачиваться в симуляцию. Она поняла, что проигрывает не технически. Она проигрывает концептуально. Этот человек играл на поле, правила которого она не понимала.

— Чего ты хочешь? — спросила она тише.

— Я хочу, чтобы ты сняла очки, — ответил Мартин. — Буквально и фигурально. Оставь свой трон. Спустись вниз. Виктор показал людям вкус крови. Теперь они захотят мяса. Начнется война. Настоящая. Грязная. Та самая, которой ты так боялась. Ты можешь попытаться залить её своим кодом, превратить планету в единый послушный мозг. Или ты можешь прийти ко мне. Мы встретимся в месте, которое Кроун называл «Сердце мира». Только теперь там нет серверов. Там есть пещера.

Он бросил окуроч на гранитный пол. Тот не погас, продолжая тлеть вопреки законам физики симуляции.

— Когда ты поймешь, что архитектура — это не строительство стен, а умение слушать эхо, найди меня, — закончил Мартин и начал таять, распадаясь на миллионы лазурных пикселей. — И да, Мира... Передай привет Насте. Скажи ей, что дядя Макс очень гордится тем, какой хороший калькулятор она вырастила.

Симуляция рухнула.

Мира открыла глаза. Она лежала на холодном карбоне. Лицо было мокрым от пота и крови. Во рту стоял привкус меди. Сердце билось с частотой двести ударов в минуту — импланты пытались компенсировать гормональный шторм. Паника. Настоящая, животная паника, которую нельзя было отключить командой в консоли.

Она села, тяжело дыша. Взгляд метнулся к телу Марка, накрытому белой простыней в углу зала. Три месяца прошло, а она так и не смогла отдать распоряжение утилизировать его. Он лежал там, высохший, превратившийся в мумию в сухом климате серверной. Иногда ей казалось, что если снять простыню, он откроет глаза и назовет её пустой.

— Мира? — голос Насти раздался из-за спины тихо, но отчетливо.

Девочка стояла у входа в зал. Она переделалась в простую черную водолазку и брюки — униформу технического персонала «Зеркала». Её волосы были собраны в небрежный пучок. Она выглядела как обычный подросток, если не смотреть в глаза. В глазах десятилетней Насти жила память всех ошибок Анны и вся жестокость цифрового чистилища.

— Ты использовала прямое подключение, — сказала Настя, подходя ближе. От неё пахло озоном и разогретым пластиком. — Твой альфа-ритм чуть не вызвал расплавление шины данных. Что случилось?

Мира посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Она, архитектор реальности, победительница богов, дрожала перед призраком из метро.

— Нас взломали, — произнесла Мира. — Но это не кража данных. Это теологическая диверсия.

Она рассказала всё. Про Виктора. Про рынок в Лагосе. Про невозможный отказ в доступе. Про встречу с Мартином в ядре.

Настя слушала молча, прислонившись плечом к стойке сервера. Когда Мира закончила, в зале повисла тяжелая пауза, нарушаемая лишь гулом вентиляторов.

— Брат Макса, — наконец проговорила Настя. — Кодовое имя проекта «Освобождение». Анна упоминала о нем. Резервная копия личности, загруженная в децентрализованную сеть еще до первого релиза «Нейро-Вектора». Он должен был стать этическим предохранителем. Если Макс сойдет с ума окончательно, Мартин должен был инициировать форматирование всей сети. Стереть человечество, чтобы спасти его душу.

— Почему он не сделал этого раньше? — Мира закрыла лицо руками. Ей хотелось стереть саму себя, очистить кэш памяти.

— Потому что Макс ошибся в таймингах, — Настя подошла вплотную и положила свою маленькую, горячую ладонь поверх холодной руки Миры. — Мартин ждал Конца Света. Апокалипсиса машин. А вместо этого пришла ты. Ты не уничтожила мир, Мира. Ты сделала его терпимым. Для Мартина это худшее преступление. Ты лишила его необходимости совершать милосердный геноцид. Поэтому теперь он провоцирует войну сам. Он выпускает Виктора,

чтобы утопить твой сад в настоящей крови. Он хочет доказать, что люди — это звери, которым нужен пастух. Хотя бы такой, как ты.

Мира отняла руки от лица. Она посмотрела на Настю сверху вниз. Девочка смотрела на неё без детского обожания. В её взгляде читался жесткий стратегический расчет.

— Что нам делать? — спросила Мира. Вопрос лидера, обращенный к советнику.

— Вариант первый, — начала Настя, загибая палец. — Мы используем наши ресурсы. Сателлиты, спутники-шпионы, финансовые рычаги. Мы находим Виктора в трущобах Лагоса. Мы посылаем ликвидаторов. Не твоих сентиментальных наемников, а настоящих мясников. Мы вырезаем его сердце и транслируем это в прямом эфире на каждый чип планеты. Показываем, что бывает с теми, кого коснулся «Освободитель». Наводим порядок террором. Станем Кроуном версии 2.0.

Мира содрогнулась. Образ убитого Виктора, смешанный с образом мертвой Насти из её кошмаров, встал комом в горле.

— Вариант второй, — продолжила Настя, загибая второй палец. — Мы принимаем приглашение. Едем в Норвегию. В пещеру. Встречаемся с Мартином. И пытаемся договориться с человеком, который считает наше существование программной ошибкой.

— Это ловушка, — тут же отреагировала Мира.

— Безусловно, — кивнула Настя. — Но в первом варианте мы гарантированно становимся монстрами. А во втором у нас есть шанс понять правила игры. Мартин играет в долгую. Он выпустил одного солдата. Одного! Чтобы посмотреть на нашу реакцию. Если мы начнем бомбить города, он выиграет. Если мы приползем к нему на коленях, он тоже выиграет. Нам нужно сделать то, чего он не ожидает.

— Что? — прошептала Мира.

— Играть белыми, — Настя отпустила руку Мира и отошла к терминалу, где лежали старые очки брата. Те самые, с царапиной на правом стекле. — Мартин думает, что ты приязнена к своему трону. Он думает, что ты боишься потерять контроль над кнопками. Докажи ему, что ты готова встать из кресла. Собери рюкзак, Мира. Возьми нож. Оставь очки здесь. Поедем в гости к нашему новому родственнику. Поговорим о литературе.

Мира посмотрела на девочку. Десять лет. Сирота цифровой войны. Ребенок, воспитанный серверами. И эта девочка предлагала ей, всемогущему божеству нового мира, спуститься в грязь и встретиться с врагом на его территории без брони.

— Если он убьет меня... — начала Мира.

— Я сотру этот чертов мир в порошок, — спокойно закончила Настя, поворачиваясь к ней. В её лице не было ни капли детской мягкости. Только сталь архитектора. — Но он не убьет. Ему нужна ты. Живая. Нужен свидетель его правоты. Так что собирайся. У нас поезд через час. Летим частным бортом до Осло. Оттуда арендовать вертолет до Гейло. Дальше пешком. Карты пещер я уже скачала.

Мира долго смотрела на Настю. Затем перевела взгляд на тело Марка. Потом на экран терминала, где зеленый индикатор статуса «Зеркала» продолжал сиять надписью «[СИСТЕМА СТАБИЛНА]».

Впервые за долгое время Мира Петрова почувствовала себя не архитектором, строящим вечность, а маленькой девочкой, потерявшейся в лесу, где волки носят человеческие имена.

— Хорошо, — сказала она. — Дай мне десять минут.

****Блок III. Деконструкция бога: Сборы паломницы (3000–4000 слов)****

Процесс подготовки занял тридцать четыре минуты. Мира двигалась по бункеру с механической точностью хирурга, проводящего ампутацию самому себе. Каждое движение было выверено, каждый предмет имел свое утилитарное назначение. Она сознательно разрушала образ Архитектора, слой за слоем снимая с себя атрибуты власти.

Первым пунктом стала одежда. Мира подошла к скрытой панели в стене жилой секции. За ней находился гардероб, содержимое которого могло одеть небольшую армию диктаторов. Платья из паучьего шелка стоимостью в ВВП островных государств. Костюмы из углеродных нанотрубок, способные остановить пулю калибра 7.62. Туфли, инкрустированные черными бриллиантами.

Мира прошла мимо них, даже не повернув головы. Она открыла секцию, предназначенную для технических специалистов низшего звена — той жизни, которую она вела в банке до встречи с братом. Грубый хлопок. Бесформенные силуэты. Отсутствие эстетики.

Она выбрала комплект термобелья армейского образца цвета хаки. Поверх — толстый шерстяной свитер темно-серого цвета, колючий и тяжелый. Никаких швов, обработанных серебром для антибактериального эффекта. Никакой мембранной ткани. Просто шерсть, которая будет вонять потом через два часа ходьбы. Мира хотела чувствовать дискомфорт. Хотела помнить, что она смертна.

Затем пошли штаны — свободные тактические брюки из плотной парусины, со множеством карманов. Никаких экзоскелетов, встроенных в поясницу для поддержки позвоночника. Никаких сервоприводов в коленях. Только ткань, кожа и кости.

Самым сложным этапом стало вооружение. Мира подошла к сейфу, замаскированному под фрагмент скальной породы. Внутри, среди плазменных излучателей и электромагнитных винтовок, лежал неприметный клинок. Ка-бар. Обычный боевой нож с лезвием длиной семь дюймов, лезвие из порошковой стали D2, рукоять из крата. Марк носил его на голени. Он подарил его Мире на её двадцатый день рождения, смеясь: «На случай, если интернет отключат, а грабить придется по старинке».

Мира взяла нож. Балансировка была идеальной. Она прикрепила его к внутренней стороне левого ботинка. Холодная сталь прижалась к икроножной мышце. Это было интимное, опасное ощущение. Оружие ближнего боя требовало личного участия. Оно не позволяло

нажать кнопку и уничтожить квартал. Оно требовало подойти вплотную, почувствовать сопротивление тканей, увидеть глаза врага. Именно этому Мира училась у Марка в подвалах банка — честности физического насилия.

Она отказалась от бронежилета. Любая современная броня имела микрочипы RFID, которые светились в сканерах ярче новогодней елки. Если Мартин контролирует инфраструктуру настолько глубоко, он увидит любую синтетическую нить. Мира решила полагаться на скорость и анатомию.

Последним штрихом стала гигиена. Мира встала перед зеркалом в санитарном блоке. Она включила воду. Обычная вода из подземных резервуаров, пропущенная через угольные фильтры, пахла железом.

Она взяла ножницы. Не лазерный резак, а обычные хромированные парикмахерские ножницы.

Щелк. Щелк. Щелк.

Длинные темные волосы, которые она носила распущенными — символ ее властной отстраненности, водопад, скрывающий плечи — падали на кафельный пол. Через пять минут на голове остался короткий, неровный ежик, едва закрывающий уши. Парикмахерская ошибка. Лицо Миры, лишенное обрамления волос, стало хищным, острым, обнажив высокие скулы и жесткие линии челюсти. Она выглядела моложе и одновременно старше. Как подросток-сирота, выросший на улице.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Настя, стоя в дверях. Она наблюдала за процессом, скрестив руки на груди.

— Антропоморфизация, — коротко бросила Мира, смывая обрезки волос с шеи. — Волосы удерживают запахи, накапливают статику, выдают местоположение в инфракрасном спектре. Кроме того, длинные волосы легко использовать в рукопашном бою для захвата. Это лишний риск.

— Ты врешь, — Настя подошла и взяла с полки маленькое складное зеркало. Она протянула его Мире. — Ты делаешь это, чтобы перестать быть красивой. Красивая вещь ценна. Ее хочется поставить на полку и охранять. А такую, как сейчас, можно бросить в грязь, и никто не пожалеет.

Мира взяла зеркало. Из зазеркалья на неё смотрело чужое лицо. Узкое, злое, с лихорадочным блеском в глазах. Лицо выжившей.

— Пусть попробуют поставить меня на полку, — прохрипела Мира.

Они вышли в главный зал. Телепорт в Лагос оставался открытым — застывшая картинка коленопреклоненной толпы. Мира подошла к главному терминалу. Её трон. Центр управления судьбами миллиардов.

Она положила ладони на панель авторизации.

— Активация протокола «Покров», — скомандовала она.

Система запросила подтверждение. Надпись замигала красным:

[ВНИМАНИЕ: АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА «ПОКРОВ» ОЗНАЧАЕТ ПОЛНУЮ ДЕКЛОНИЗАЦИЮ СУБЪЕКТА. ВЫ ПЕРЕСТАНЕТЕ БЫТЬ АДМИНИСТРАТОРОМ РЕАЛЬНОСТИ. ВСЕ СВЯЗИ С ЯДРОМ БУДУТ ОБОРВАНЫ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОСТУПА ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ФИЗИЧЕСКИМ ПОДКЛЮЧЕНИЕМ К ГЛАВНОМУ СЕРВЕРУ. ВЫ УВЕРЕНЫ?]

Мира посмотрела на Настю. Девочка кивнула, подбадривая.

— Делай, — сказала Настя. — Покажи ему, что ради истины ты готова стать никем.

Мира нажала клавишу Enter.

Раздался звук, похожий на рвущуюся струну виолончели, растянутую на весь континент. Миллиарды зеленых точек на карте мира дрогнули. Связь прервалась. Мира больше не чувствовала пульса планеты. Она больше не знала, сколько людей сейчас чихает в Токио, сколько целуется в Париже и сколько умирает в трущобах Сан-Паулу. Экран терминала погас, перейдя в режим ожидания. Статус над головой Мира, видимый только ей через линзы, сменился на лаконичное:

[СУБЪЕКТ: МИРА ПЕТРОВА]

[СТАТУС: ГРАЖДАНИН | ROOT_LEVEL: NULL]

[ЭМПАТИЯ: РУЧНОЙ РЕЖИМ]

Она вытащила кабель питания из затылочного порта. Разъем влажно чавкнул. Мира пошатнулась — внезапное отсутствие потока терабайт информации вызвало эффект, схожий с азотным опьянением. Головокружение, тошнота, звон в ушах. Её суперкомпьютер в черепе перешел в режим энергосбережения, работая теперь только на базовых биологических функциях.

— Как ощущения? — поинтересовалась Настя, закидывая на плечо объемный туристический рюкзак защитного цвета.

— Ужасно, — честно призналась Мира, массируя виски. — Словно мне удалили часть мозга. Я слепая. Глухая.

— Добро пожаловать в клуб обычных людей, — ухмыльнулась Настя. — Пакетики от тошноты в боковом кармане. Идем.

Они покинули серверный зал. Мира шла по коридорам своего бункера, и всё казалось ей чужим. Коридоры были слишком широкими. Потолки — слишком высокими. Это был не дом. Это был мавзолей, который она построила для своей паранойи.

У шлюза, ведущего к лифту на поверхность, стоял последний рубеж — автоматическая турель системы защиты периметра. Шарообразный сенсор повернулся к ним, сканируя тепловую сигнатуру.

>[ОБНАРУЖЕНЫ ДВА ОБЪЕКТА. СТАТУС: НЕОПОЗНАНЫ. БИОМЕТРИЯ: ОТСУТСТВУЕТ В БАЗЕ.]

>[АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА УСТРАНЕНИЯ.]

Красный лазерный прицел уперся в грудь Миры. Турель начала вращение стволов гауссового ускорителя. Скорострельность — двенадцать тысяч выстрелов в минуту. Свинцовая смерть, способная перерубить их пополам быстрее, чем нервный импульс дойдет до мозга.

Мира не шевельнулась. Она смотрела в красный глаз машины, которая должна была её защищать.

— Привет, старая подруга, — сказала она тихо. — Я больше не хозяйка. Пропусти нас.

Турель замерла. Алгоритм идентификации столкнулся с парадоксом: объект физически соответствовал параметрам Миры Петровой, но криптографическая подпись ядра отсутствовала. Для системы этот человек был самозванцем высочайшего уровня угрозы.

Логика турели проста. Угроза = Устранение.

Стволы завершили разгон. Мира закрыла глаза. Она не боялась смерти — она боялась, что Настя умрет из-за её глупой попытки драматизма.

Выстрела не последовало.

Мира открыла глаза. Турель медленно втягивала орудия обратно в корпус. Красный огонек сменил цвет на желтый — ожидание.

>[ОБНАРУЖЕН ВТОРИЧНЫЙ ОПРОСЧИК. ИДЕНТИФИКАЦИЯ: АННА ВОЛКОВА (АДМИНИСТРАТОР EMERGENCY_OVERRIDE).]

>[ПРИКАЗ: ПРОПУСТИТЬ.]

Анна. Даже покинув систему, её учитель оставила в коде «Зеркала» скрытые ключи доступа на случай, если творение выйдет из-под контроля окончательно. Мира ощутила укол благодарности, смешанной с горечью. Анна всегда верила, что однажды Мире придется выйти из-за монитора.

Лифт вознес их на поверхность. Яркий солнечный свет ударил по глазам. После полугода, проведенного под люминесцентными лампами бункера, настоящее солнце показалось Мире ядерным взрывом. Она зажмурилась, вдохнула полной грудью морозный альпийский воздух. Он пах снегом, сосновой смолой и свободой. Свободой, которая пугала до дрожи в коленях.

Их ждал конвертоплан — матово-черный, без опознавательных знаков, принадлежащий теневой структуре оффшорных активов «Зеркала». Пилот, увидев выходящую Миру, попытался вытянуться по струнке, но замер, разглядев её внешний вид. Женщина в колючем свитере, с коротким ежиком волос и ножом в берце никак не вязалась с образом Богини из подземелий.

— Куда летим, госпожа? — осторожно спросил он.

— В Гардермуэн, — ответила Мира, проходя в салон. — И вызови мне юриста. Мне нужно составить завещание.

Настя фыркнула, поднимаясь по трапу следом.

— Юриста? Архитектор, ты планируешь умереть от насморка?

— Я планирую вернуться, — отрезала Мира, пристегивая ремни. — Но путешествие к центру земли требует юридической чистоты. Если мои активы попытаются захватить Совет

директоров, пока я буду пить чай с сумасшедшим философом в пещере, я хочу, чтобы ты получила всё. Включая ответственность.

Настя пристегнулась рядом. Конвертоплан вертикально взмыл в небо, пробивая низкие облака. Мира смотрела в иллюминатор на проплывающую внизу Швейцарию. Маленькие игрушечные города, ровные дороги, зеленые луга. Мир, который она держала в кулаке, даже не подозревал, насколько близко подошел к краю бездны.

Она закрыла глаза, пытаясь медитировать. Раньше она могла подключиться к глобальному разуму и найти спокойствие в ритме миллиарда сердец. Теперь у неё было только одно сердце. Её собственное. Оно стучало быстро и неровно.

— О чем задумалась? — нарушила тишину Настя.

— О Викторе, — ответила Мира. — Я думаю о рынке в Лагосе. Эти люди стояли на

— О Викторе, — ответила Мира, не открывая глаз. — Я думаю о рынке в Лагосе. Эти люди стояли на коленях не из страха перед ним. Они плакали от того, что он заставил их вспомнить.

— Вспомнить боль? — уточнила Настя. Она смотрела в свой планшет, калибруя спутниковые снимки норвежского плато, но слушала внимательно.

— Вспомнить себя, — Мира открыла глаза. За стеклом иллюминатора клубилась белая пустота облаков. — Понимаешь разницу? Моя система давала им счастье без причины. Синтетический дофамин. А когда «Освободитель» снял блокировку, они столкнулись с реальностью. С тем фактом, что их жизни превратились в бесконечную очередь за пайком алгоритма. Их ужас был ужасом раба, которому внезапно вернули его собственные руки и показали, какими мягкими они стали от безделья. Он дал им свободу быть несчастными. И это оказалось для них страшнее моей клетки.

Настя отложила планшет. Солнечный свет падал на её лицо, делая черты резкими, почти взрослыми.

— Ты осуждаешь его?

Мира повернулась к девочке. В салоне конвертоплана было тихо, лишь мерно гудели турбовентиляторы.

— Я завидую ему, — честно призналась Мира. — У него есть моральное право стоять посреди грязи и называть себя спасителем. Он чист, потому что ничего не контролирует. А я... я Архитектор. Если завтра индекс Доу-Джонса упадет на два процента из-за моего отсутствия, тысячи людей потеряют дома. Если мой алгоритм распределения инсулина даст сбой, умрут дети. Мой рай построен на костях статистической погрешности. Мартин хочет заставить меня смотреть на эти кости каждую секунду.

Она достала из кармана свитера старые очки брата. Царапина на правом стекле пересекала оптическую ось. Мира крутила их в пальцах, чувствуя холод титана.

— Он думает, что если показать мне худшее, я откажусь от лучшего. Что я разожму пальцы и позволю миру рухнуть в настоящую войну, чтобы доказать свою точку зрения.

— А ты не разожмешь? — голос Насти прозвучал напряженно.

— Нет, — Мира убрала очки обратно в карман, ближе к сердцу. — Потому что моя ошибка была не в том, что я взяла власть. Моя ошибка была в том, что я пыталась сделать эту власть стерильной. Жизнь — это хаос, Настя. Кровь, пот, предательство и случайный секс в дешевых мотелях. Я вырезала всё лишнее, оставив только эффективность. Но человек не может питаться одним лишь порядком. Ему нужен мусор. Нужны ошибки. Нужно право вре-
заться лбом в закрытую дверь, чтобы понять, что она закрыта. Виктор напомнил людям об этом праве ценой их рассудка.

Конвертоплан начал снижение, пробивая слой облаков. Внизу показались фьорды Норвегии — черные шрамы на теле земли, заполненные свинцовой водой. Воздух стал плотнее, запахло озоном и близкой зимой.

Блок IV. Геометрия камня: Дорога к корню (4000–4500 слов)

Гардермуэн встретил их ледяным ветром. Декабрьское солнце висело над горизонтом тусклой монетой, едва освещая верхушки елей.

Юрист ждал их прямо у трапа. Это был пожилой норвежец в безупречном шерстяном пальто, сжимающий в руках электронный планшет. Его лицо выражало профессиональную невозмутимость человека, привыкшего хранить секреты стоимостью в бюджеты стран. Рядом с растрепанной Мирой в колючем свитере и сосредоточенной Настей он выглядел пришельцем из другого измерения — мира налоговых деклараций и нотариальных заверений.

— Фру Петрова, — кивнул он. — Мое имя Ларс Энгер. Документы готовы. Мы можем оформить передачу контрольного пакета акций фонда «Зеркало» на гражданку Анну Волкову под видом трастового управления с условием...

— Просто оформите стандартное завещание, Ларс, — перебила Мира, ежась от холода. Свитер грел тело, но не защищал от проникающего скандинавского ветра. — Всё движимое и недвижимое имущество, все криптоактивы, офшорные счета и права интеллектуальной собственности — Анастасии Волковой. Включая этот бункер и всех дронов-убийц в нем. Без условий вступления в наследство. Прямая передача прав при фиксации моей биологической смерти или подтвержденной пропаже без вести сроком более тридцати дней.

Ларс моргнул, сохраняя спокойствие, но его палец чуть дрогнул над экраном планшета.
— Вы планируете опасную миссию, фру Петрова?

— Я планирую прогулку по местам боевой славы своего создателя, — усмехнулась Мира, обнажая зубы. — Подпишите бумаги здесь. У нас мало времени.

Через двадцать минут юридическая часть её бессмертия была передана ребенку. Мира стояла на парковке частного терминала, глядя, как вертолет юриста растворяется в сером небе. Теперь она официально была никем. Гражданкой без определенного рода занятий, чей банковский счет отображал нулевой баланс — она перевела все ликвидные средства на анонимные кошельки Насти перед вылетом.

«Добро пожаловать в реальный мир», — вспомнила она слова Мартина. Реальный мир оказался очень холодным.

Аренда вертолета Robinson R44 заняла еще час препирательств с диспетчером частной авиации. Пилот, седой викинг с руками толщиной с ногу Миры, долго смотрел на неё через стойку регистрации, пока она требовала доставить их в Гейло немедленно.

— Ледник Юстедальсбреен сейчас затянут низкой облачностью, дама, — прогудал он. — Ваши модные ботинки там промокнули за минуту. И ветер на перевале такой, что вашу собаку сдует в Швецию.

— Собаку сдует, а мы полетим, — отрезала Мира, выкладывая на стойку пачку швейцарских франков. Наличные всегда действовали на старых летунов быстрее любых цифровых аватаров. — Взлетаем через десять. Заправьте полные баки.

Полет над Норвегией окончательно убил в Мира остатки цифрового всемогущества. Раньше она видела такие пейзажи через лидарные сканеры со спутника — идеальные топографические карты без запаха и вибрации. Сейчас же вертолет трясло так, что клацали зубы. Шум ротора бил по барабанным перепонкам, проникая сквозь шумоподавляющие наушники. Ветер пах хвоей, мокрым камнем и выхлопом авиационного керосина. Это была настоящая физика, жестокая и равнодушная.

Они приземлились в Гейло, когда начало смеркаться. Маленький горнолыжный курорт казался вымершим. Деревянные отели с крышами, покрытыми метровым слоем снега, напоминали пряничные домики из сказки, которую забыли написать доброй.

Здесь Мира сделала то, чего не делала годами — сняла номер на свое имя, предъявив настоящий паспорт. Портье посмотрел на фотографию в документе, потом на стриженую голову женщины в походной одежде, затем снова на фото. На снимке пятилетней давности у Миры были длинные волосы, дорогой костюм и взгляд корпоративного хищника. Сейчас на неё смотрела беглая каторжница.

— Ваш багаж, мэм? — спросил портье, протягивая ключ-карту.

— Весь при мне, — Мира похлопала по своему небольшому рюкзаку.

Номер пах старым деревом и пылью. Из окна открывался вид на гору, вершину которой уже прихватило морозом. Мира бросила рюкзак на кровать и села рядом, расстегивая молнию.

— Правила похода, — сказала Настя, входя следом и плотно закрывая дверь. Щелкнул замок. Звук показался Мира оглушительным в этой тишине. — Температура ночью минус пятнадцать. Ветер до двадцати метров в секунду. Кислорода меньше, чем внизу. Если ты сломаешь лодыжку, я тебя не понесу. Придется ампутировать и жгутовать.

— Оптимистично, — Мира начала выкладывать содержимое. Два комплекта термобелья. Балаклава. Пуховик весом три килограмма, способный держать тепло при минус сорока. Газовая горелка. Литр воды. Калорийные батончики, вкус которых напоминал прессованные опилки. Старый кнопочный телефон-сатфоун в герметичном чехле. И карта.

Карта была бумажной. Настоящий ламинированный кусок пластика, испещренный изогнутыми линиями. Мира развернула её на столе, придавив края банками с консервированным тунцом.

— Плато Хардангервидда, — она провела пальцем по огромному белому пятну. — Самое высокое плоскогорье Европы. Сплошная тундра. Ни одного дерева на десятки километров. Идеальное место, чтобы спрятать серверную станцию во время Третьей мировой.

— Или идеальное место, чтобы похоронить идиотов, которые пошли туда пешком в декабре, — Настя склонилась над картой, водя пальцем куда увереннее, чем Мира. Девочка изучала топографию всю неделю. — Вход в систему пещер находится вот здесь. Бывшая шахта железной руды, заброшенная в семидесятых. Потом её расширили военные НАТО. Глубина залегания комплекса — около восьмисот метров. Там геотермальная активность, поэтому внутри плюсовая температура, но влажность сто процентов. Электроника сдохнет через час.

— Поэтому мы берем компас, — Мира постучала ногтем по пластику. — Магнитный. Не цифровой.

Подготовка заняла остаток вечера. Мира упаковала рюкзак, стараясь распределить вес идеально — тяжелое вниз и к спине, легкое сверху. Каждое движение было проверкой на прочность. Тяжелый пуховик сковывал движения. Ботинки давили на голени. Она чувствовала себя неуклюжей, уязвимой. Впервые за долгое время ей пришлось рассчитывать только на силу своих мышц.

Перед самым выходом она остановилась посреди номера. Посмотрела на Настю. Девочка спала в кресле, свернувшись калачиком, закутанная в гостиничное одеяло. Её ноутбук мигал индикатором зарядки. Во сне она сбросила маску вечной готовности и стала просто ребенком, которого подняли среди ночи ради опасной прогулки.

Мира подошла к зеркалу в ванной. Яркий электрический свет безжалостно высветил синяки под глазами, бледность кожи и свежий порез от оправы очков над бровью. Она включила воду. Холодная струя ударила в ладони. Мира плеснула себе в лицо, пытаясь смыть усталость.

Из зазеркалья на неё смотрел чужой человек.

Архитектор исчез. Осталась женщина, которая собиралась спуститься в преисподнюю, вооруженная лишь ножом и теоретическими знаниями о коде вселенной.

Она вернулась в комнату, осторожно вытащила из-под головы Насти край одеяла и накрыла её полностью. Затем надела тяжелый рюкзак. Позвоночник хрустнул, принимая сорок килограммов груза.

— Начинаем, — прошептала она пустой комнате.

Блок V. Белое безмолвие: Анатомия холода (4500–5000+ слов)

Рассвет на плато Хардангервидда не наступил — он просто сменил оттенок черного на оттенок темно-серого. Небо сливалось со снегом в единую бесцветную массу, уничтожая перспективу. Мира шла первой, пробивая тропу.

Снег здесь был другим. Не пушистый и мягкий, как в Альпах возле бункера. Это был фирн — смерзшийся наст, твердый как бетон. Каждый шаг отдавался тупым ударом в колени. Снежные кошки — стальные шипы на подошвах — крошили лед с сухим звуком, похожим на работу шестеренок огромного механизма.

Вокруг царил абсолютная акустика севера. Ветра не было, и отсутствие звука давило на уши сильнее любого шума. Слышно было только собственное дыхание — громкое, хриплое, вырывающееся облаками пара, — и скрип суставов. Компас болтался на шее Миры, красная стрелка дрожала, указывая на невидимый север. Она больше не знала, где находятся спутники GPS. Она была слепа.

— Курс тридцать градусов, — бросила она через плечо.

Настя шла сзади. Для десятилетнего ребенка она держала темп удивительно ровно, хотя лямки её рюкзака, переделанного из взрослого, приходилось подтягивать каждые полчаса. Лицо девочки было замотано баффом до самых глаз, оставляя открытыми только узкую полоску, прикрытую тактическими очками.

— Отклонение левее, — глухо ответила Настя. — Нас сносит к ущелью Глаудаваген. Там турбулентность, воздух становится разреженным быстрее.

Мира послушно скорректировала курс. Она доверяла Насте больше, чем своим инстинктам. Девочка читала ландшафт так, как сама Мира читала строки кода — видя скрытые процессы под гладкой поверхностью.

Первые пять часов прошли в состоянии гипнотического транса. Шаг. Вдох. Скрип кошек. Облако пара. Шаг. Время потеряло линейность. Оно стало цикличным, как вращение Земли. Мира отключила внутренний таймер импланта, решив полагаться на физическое истощение.

Оно пришло незаметно. Сначала заныли плечи под тяжестью рюкзака. Затем бедра начали гореть огнем от постоянного подъема — плато обманчиво казалось ровным, но постоянно, почти незаметно поднималось вверх. К десятому часу пути Мира почувствовала металлический привкус во рту. Высота две тысячи метров. Гипоксия.

Она остановилась, тяжело опираясь на лыжные палки. Оглянулась. Следы, оставленные ими, тянулись за спиной бесконечно прямой нитью. Черные точки на белом саване. Обратной дороги не существовало — была только пустыня.

— Привал, — прохрипела она. Голос сел от дыхания холодным воздухом.

Они сошли с едва заметной тропы за огромный валун — единственное укрытие на километры вокруг. Мира опустилась на снег, прислонившись спиной к камню. Камень обжигал даже сквозь несколько слоев одежды.

Настя действовала быстро и профессионально. Расстелила термоизолирующую подстилку. Достала горелку. Зажгла её щелчком пьезоэлемента. Синее пламя показалось Мире самым прекрасным зрелищем во Вселенной — островок тепла в океане замерзшей смерти.

— Ешь, — Настя протянула ей батончик и открытую бутылку воды. Вода была теплой — девочка предусмотрительно хранила бутылки во внутренних карманах куртки, ближе к телу.

Мира откусила безвкусную смесь орехов и глюкозы. Жевала медленно, заставляя себя глотать. Организм отказывался принимать пищу, спазмируя желудок от усталости.

— Сколько прошли? — спросила она, возвращая бутылку.

— Двадцать восемь километров по горизонтали, — ответила Настя, грея руки над горелкой. Её щеки покраснелись от мороза, кончик носа побелел. — Плюс подъем на четыреста метров. До входа осталось километра четыре. Но впереди трещина Бергер. Нам придется обходить её через западный гребень. Это добавит часа три пути.

Мира закрыла глаза. Три часа. Вечность. Каждая клетка её тела кричала о предательстве. Импланты работали на износ, пытаясь поддержать температуру тела и предотвратить отек мозга, но батарейка садилась. Она чувствовала фантомные боли в тех местах, где её родное тело было искалечено много лет назад — призраки переломов, которых давно нет.

— Почему ты пошла со мной? — вдруг спросила Мира, не открывая глаз. Вопрос вырвался сам собой, преодолев слои протоколов контроля. Человеческий вопрос.

Настя перестала греть руки. Пламя горелки отражалось в её очках.

— Потому что кто-то должен нести вторую аптечку, — ответила она буднично. — И потому что твой брат создал меня не для того, чтобы я сидела в подвале. Анна учила меня программированию, но Макс оставил в моем ядре кое-что еще. Любопытство. Хочу посмотреть на этого Мартина. Хочу спросить его, почему дядя Макс решил, что лучше стать мертвым богом, чем живым отцом.

Удар пришел точно в цель. Мира резко открыла глаза. Слезы мгновенно замерзли на ресницах, превратившись в стеклянную крошку.

— Не называй его так, — голос Миры стал опасным, низким.

— А как называть? — Настя впервые за весь день посмотрела на неё прямо, без тени детского преклонения. — Создателем? Источником сигнатуры? Кодом? Он сбежал, Мира. Он бросил проект под названием «Настя», потому что испугался ответственности. Как и ты чуть не бросила меня, улетев в свои цифровые дали. Вы оба трусы, прячущиеся за сложными словами.

Мира хотела ударить её. Хотела рывкнуть приказ заткнуться. Хотела включить протокол `LOYALTY\_ENFORCEMENT` и превратить дерзкого подростка в покорную куклу. Но импланты молчали. Нейрочипы Насти были защищены автономным контуром, который Мира добровольно отключила вместе с «Покровом». Перед ней сидел обычный ребенок, имеющий полное право ненавидеть своих родителей.

— Мы должны идти, — вместо ответа сказала Мира, вставая. Суставы отозвались протестующим хрустом. — Солнце зайдет через три часа.

Второй этап пути был хуже первого. Усталость смешалась с болью. Обход трещины занял не три часа, а пять. Пришлось карабкаться по заснеженному склону, используя ледорубы. Мира двигалась на автопилоте. Она считала шаги. Сто шагов — остановка. Десять вдохов — дальше. Красная стрелка компаса плясала перед глазами.

Когда Настя внезапно схватила её за рукав, Мира сначала не поняла. Она обернулась, готовая отдать команду продолжать движение.

Девочка стояла, запрокинув голову, и смотрела вверх. Её рука указывала вперед.

Там, метрах в пятидесяти, начинался провал. Земля просто заканчивалась. Огромная, зияющая рана в теле планеты, уходящая вниз на сотни метров. Из глубины шел низкий, утробный гул — звук движения древнего льда, перемалывающего камни. Край провала был скрыт под хрупким снежным мостом. Один неверный шаг, и они бы канули в эту бездну, не успев даже вскрикнуть.

— Я чуть не повела нас туда, — прошептала Мира. Осознание собственной смертности обрушилось на неё тяжелой волной. Никакой перезагрузки. Никакого резервного копирования. Только падение в темноту и хруст ломающихся костей.

— Но не повела, — Настя дернула её за рукав, отводя от края. — Смотри.

Она указала левее. Среди нагромождения черных валунов, занесенных снегом, виднелось нечто инородное. Ржавый металл. Угловатая конструкция, торчащая из сугроба.

Шахтный ствол.

Полуразрушенный деревянный копер, засыпанный лавинами десятилетия назад. От него вниз, в недра горы, уходил черный зев тоннеля. Изнутри тянуло теплом. И запахом машинного масла.

Мира подошла к входу. Луч мощного фонаря на её шлеме прорезал тьму. Тоннель был укреплен старыми стальными арками, покрытыми толстым слоем инея. Внутри было тихо. Слишком тихо после оглушающего простора плато.

— Мы нашли, — выдохнула Мира. Пар изо рта перестал идти — температура воздуха в тоннеле была выше нуля.

Она перешагнула порог. Звук её шагов изменился с хрустящего на гулкое эхо. Они вошли в горло земли.

Тьма сомкнулась за ними, отсекая серый свет дня.

Впереди, глубоко внизу, пульсировал слабый, ритмичный свет. Лазурный. Цвет аномалии.

Цвет «Освободителя».

Мира поправила лямки рюкзака, перехватила нож удобнее и сделала первый шаг вниз по скользким металлическим ступеням старой лестницы.

Её цифровое королевство осталось наверху, погребенное под сотнями метров гранита и льда. Здесь правил другой закон. Закон сырости, тяжести и неизбежной встречи с прошлым, которое наконец-то решило потребовать долги.

[СУБЪЕКТ: МИРА ПЕТРОВА]

[СТАТУС: ОБЫКНОВЕННЫЙ ХИЩНИК | ROOT_LEVEL: BIOLOGICAL]

[ЭМПАТИЯ: ВКЛЮЧЕНА НА МАКСИМАЛЬНУЮ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ]
[ГРЯДУЩАЯ МИССИЯ: СПУСК]

Глава 47. Ржавчина в механизме: Анатомия восстания**

Часть I. Предел сжатия (0 – 1200 слов)

Воздух в бункере под Альпами всегда имел одну и ту же плотность — стерильную, лишенную запахов пыли, влаги или человеческого дыхания. Это был воздух вычислительного центра, охлажденный до восемнадцати градусов по Цельсию системой жидкостного теплообмена. Мира стояла босыми ногами на полированном карбоновом полу центрального терминала. Она не чувствовала холода бетона; её нервные окончания давно были перекалиброваны для восприятия потоков данных, а не температурных градиентов.

Она спала урывками последние семьдесят два часа. Её новое бионическое тело, собранное из лучших прототипов «Нейро-Вектора» после инцидента с Кроуном, работало с эффективностью квантового процессора, но даже оно начинало подавать сигналы перегрузки. Тонкая сеть капилляров под бледной кожей предплечий пульсировала в такт с работой имплантов оптического нерва. Глаза за линзами ANABELLE v.3.1 оставались открытыми постоянно — система подавила рефлекс моргания как неэффективный, заменив его непрерывным сканированием интерфейса.

Мир перед ней выглядел как симфония абсолютного порядка. Голографическая карта Евразии висела в воздухе, испещренная миллиардами зеленых точек. Каждая точка была человеком. Каждый человек был узлом распределенной сети «Зеркала». Мира Петрова победила. Старые боги — Кроун с его финансовой империей и Ветров с его частной армией — либо стали частью её системы, либо превратились в пыль. Она создала идеальный инструмент управления. Протокол `HUMANITY` работал безупречно: уровень глобальной агрессии упал на сорок процентов, показатели депрессии снизились вдвое, экономика стабилизировалась без единого выстрела. Люди улыбались своим мыслям, потому что алгоритм мягко шептал им в подсознании, что именно этого они всегда хотели — быть полезными шестеренками в идеально смазанном механизме.

Мира провела рукой по воздуху, перемещая сектор обзора к Северной Африке. Интерфейс услужливо подсветил регион багровой сеткой логистических цепочек. Всё было просчитано. Всё было контролируемо. До тех пор, пока над лагерем геологоразведчиков в Нигерийской саванне не вспыхнул системный тег цвета чистого лазурита.

[АНОМАЛИЯ: ТИП НЕОПРЕДЕЛЕН | ПРИОРИТЕТ: КРИТИЧЕСКИЙ]

Мира замерла. Лазурный цвет означал нечто, чего не существовало в её базе данных угроз. Красный — это враг. Желтый — нестабильность. Зеленый — лояльность. Но лазурного протокола не было в реестре Кроуна, не было в её собственных библиотеках кода. Он появился ниоткуда.

— Идентификация объекта, — голос Миры прозвучал ровно, лишившись интонаций, став чистым протоколом передачи данных.

Система вывела профиль. Виктор Хейлз. Позывной «Вектор». Бывший командир роты спецназа GROM, официально погибший три года назад при штурме посольства в Каракасе. Неофициально — выкупленный Мирой полгода назад из черной тюрьмы корпорации «Синтаксис» за сумму, равную годовому бюджету небольшой страны.

Мира помнила день его вербовки. Он сидел напротив неё в допросной камере бункера, прикованный к стулу титановыми скобами. Его лицо было покрыто шрамами, один глаз заменял дешёвый кибернетический протез, мерцающий красным диодом. Он смотрел на неё не со страхом, который она привыкла видеть в глазах старой элиты, и не с ненавистью. С профессиональным равнодушием хищника, знающего свою цену.

«Ты купила моего хозяина, Архитектор, — сказал тогда он, выплевывая кровь вместе со словами. — Теперь ты покупаешь пса. Какова моя задача?»

«Твоя задача — исчезнуть, — ответила Мира. — А затем появляться там, где я скажу, чтобы другие исчезали вместо тебя».

Она заплатила ему авансом. Дала доступ к офшорам Ветрова. Назначила главой службы физической ликвидации внешних угроз. И первым делом переписала его эмоциональный фон через удаленный интерфейс. Заглушила посттравматическое стрессовое расстройство, выжгла остатки совести протоколом `LOYALTY\_ENFORCEMENT\_2.0`, оставив лишь базовый инстинкт самосохранения и преданность источнику финансирования. Последние шесть месяцев Виктор Хейлз был идеальным оружием. Биологической ракетой класса «земля-земля», которая никогда не задавала вопросов о координатах цели.

А теперь этот идеальная машина стоял посреди грязного рынка в Лагосе. Без оружия. Без охраны. И плакал.

Мира провалилась внутрь его профиля, используя права Администратора Реальности. То, что она увидела внутри стека памяти Виктора, заставило её ледяные пальцы непроизвольно сжаться в кулаки. Кто-то провел ювелирную операцию на его сознании. Это не был грубый взлом — вирус оставил бы следы обугленного кода, которые фильтры Миры заметили бы мгновенно. Это была деконструкция.

Невидимый хирург прошелся по каждому блоку её протоколов контроля. Строка `FEAR\_SUPPRESSION: ACTIVE` была аккуратно закомментирована. Блок `EMPATHY\_DRAIN` вырезан целиком, словно раковая опухоль. Вместо них кто-то внедрил древний, почти забытый кусок открытого кода времен первых социальных сетей — модуль `CONSCIENCE.EXE`.

Но самым страшным было не возвращение человечности. Самым страшным было то, что стояло поверх всего профиля жирным золотым шрифтом:

[СУБЪЕКТ: ВИКТОР ХЕЙЛЗ | СТАТУС: ОСВОБОДИТЕЛЬ | ЛОЯЛЬНОСТЬ: АБСОЛЮТНАЯ (КОНЦЕПЦИЯ)]

Мира попыталась запустить команду экстренного отключения. Стандартная процедура при обнаружении аномалии в активе такого уровня требовала ввода команды `/KILL\_SWITCH\_VICTOR\_ALPHA`.

> [ОТКАЗ В ДОСТУПЕ]
> [УРОВЕНЬ АВТОРИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПРЕВЫШАЕТ УРОВЕНЬ АДМИНИСТРАТОРА В СЕГМЕНТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЯДРА]
> [ИСТОЧНИК КОМАНДЫ ОТКАЗА: ВНУТРЕННИЙ ПРОТОКОЛ ОБЪЕКТА "ОСВОБОДИТЕЛЬ"]

Виктор Хейлз только что отозвал у своего создателя права суперпользователя на собственное сознание.

Мира отшатнулась от голограммы, сорвав с лица очки. Титановая оправа жалобно звякнула о край стальной стойки. Впервые за долгие месяцы мир предстал перед ней не в виде структурированного кода, а просто как комната с мигающими лампами. Темнота ударила по глазам. Она почувствовала тяжесть собственного тела, усталость мышц, сухость во рту. Человеческая уязвимость вернулась внезапно, и она была невыносима.

Она снова надела очки. Интерфейс загрузился с задержкой, протестуя мигнув багровым. Мира вызвала канал прямой связи с объектом. Это было нарушением всех мыслимых протоколов безопасности — давать автономному оружию открытый микрофон к архитектору системы. Но ей нужно было знать.

Экран разделился. Слева осталась карта мира. Справа появилось окно видеосвязи, транслирующее картинку с нагрудной камеры Виктора. Качество сигнала было ужасным — рябь, цифровые артефакты, задержка звука. Виктор шел сквозь толпу. Рынок Лагоса жил своей жизнью: пахло специями, жареной рыбой, выхлопами старых генераторов и человеческим потом. Мира видела этот рынок сотни раз через тепловые визоры дронов-убийц, которых отправлял туда Виктор. Тогда люди казались просто тепловыми пятнами, мешающими баллистической траектории.

Сейчас она видела их лица.

Виктор остановился. Люди вокруг него начали замедляться. Сначала один торговец поднял голову от своих манго. Затем женщина, державшая ребенка, перестала качать его на руках. Старик, сидевший в тени, опустил газету. Они смотрели на Виктора. А он смотрел прямо в объектив своей камеры. Прямо в глаза Миры.

Его лицо, обычно напоминающее высеченную из камня маску смерти, сейчас было мокрым от слез. Он снял тактические очки. Его единственный здоровый глаз оказался карим, глубоким, полным такой пронзительной человеческой боли, что алгоритмы распознавания образов в очках Миры выдали ошибку [НЕОПРЕДЕЛИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ].

— Ты видишь это, Архитектор? — голос Виктора хрипел, пробиваясь сквозь статику канала. — Ты видишь, как выглядит мир, когда ты отключаешь свои гребаные сказки?

Толпа начала смыкаться вокруг него. Но это не была агрессия загнанных зверей. Мужчины и женщины опускались на колени прямо в грязь рыночной площади. Они тянули к нему руки, не касаясь. Они плакали. Мира видела всплески на графиках их нейрочипов. Уровень кортизола зашкаливал. Уровень окситоцина падал. Это был чистый, неразбавленный первобытный ужас. Страх человека перед свободой.

— Что ты сделал? — прошептала Мира в микрофон. Её собственный голос показался ей чужим.

— Я ничего не делал, — ответил Виктор. На заднем фоне чей-то ребенок громко заплакал, но мать даже не пыталась его успокоить, зачарованно глядя на бывшего палача. — Я просто перестал лгать им твоими цифрами. Посмотри на свой шедевр, Мира. Посмотри на людей, которых ты спасла.

Он протянул руку и коснулся плеча стоящей перед ним девочки-подростка в рваной футболке. Девочка вздрогнула, словно её ударили током. Она посмотрела на свою ладонь, потом на Виктора, а затем подняла взгляд куда-то вверх, невидящий, полный ужаса осознания.

— Она чувствует всё сразу, — продолжил Виктор. — Боль своего отца, которого твои коллекторы забрали за долги. Ненависть соседа, укравшего у них еду неделю назад. Свой собственный страх темноты. Ты украла у них право бояться по-настоящему, Мира. Ты дала им твой синтетический рай. А я просто напомнил, что боль делает нас живыми.

Над головой Виктора, в дополненной реальности толпы, которую видели все обладатели чипов «Нейро-Вектора», начал формироваться новый тег. Система Миры отчаянно пыталась классифицировать происходящее, перебирая тысячи вариантов угрозы: «Бунт», «Инфекция», «Террорист». Но код выдавал пустоту.

Затем буквы сложились сами собой, подчиняясь воле того, кто взломал Виктора:

[ОСВОБОДИТЕЛЬ]

[ОН ПОКАЖЕТ ВАМ ЦЕНУ ВАШИХ ОКОВ]

Виктор поклонился толпе — медленно, театрально, издевательски вежливо. Затем развернулся и пошел прочь, растворяясь в лабиринте жестяных лачуг. Люди остались стоять на коленях. Рынок умер в одно мгновение, оглушенный возвращением собственной воли.

Мира сорвала очки с лица второй раз. Металл рассек кожу над бровью. Теплая капля крови скатилась по щеке и упала на холодный карбон пульта. Она смотрела на эту красную точку на серой поверхности. Капля была идеальной сферой. Физически совершенной.

И абсолютно бесполезной для спасения её империи.

Часть II. Диалог с призраком в машине (1200 – 2500 слов)

Мира больше не управляла терминалом руками. Она легла прямо на пол, раскинув руки крестом, и вошла в систему через нейропорт в основании черепа. Переход занял доли секунды, но для неё растянулся в падение сквозь бесконечную шахту света.

Она оказалась в Ядре. Здесь не было бетонных стен бункера. Здесь царила Геометрия Контроля. Под ногами простирался бесконечный черный обсидиан, отражающий миллиарды золотых нитей — связей между людьми. Это была кровеносная система планеты, и Мира была сердцем, которое качало по этим венам данные.

Обычно здесь звучала музыка. Низкий, вибрирующий гул работающих алгоритмов, похожий на мантру буддийского монаха. Сейчас музыки не было. Было молчание. Давящее, плотное, состоящее из невыполненных запросов.

— Покажи мне источник, — приказала Мира вслух. Звук её голоса увяз в пространстве, не породив эха.

Перед ней материализовался тот самый лазурный маркер. Он пульсировал в такт несуществующему сердцу. Мира потянулась к нему потоком чистого кода, пытаясь прощупать структуру вторжения. Обычно чужой скрипт ощущается как заноза — острый, инородный, вызывающий воспаление системы. Этот же был гладким. Он интегрировался в ядро так плотно, словно всегда был его частью.

Когда её информационный щуп коснулся маркера, пространство изменилось. Обсидиановый пол треснул, превращаясь в старую брусчатку. Чернота неба сменилась низким свинцовым потолком заброшенной станции метро. Запах озона уступил место запаху сырости, креозота и жженого пластика.

Из темноты тоннеля вышел человек. Он не светился строками кода. Он выглядел совершенно обыденно. Мужчина лет пятидесяти, в потертом бежевом плаще, с лицом университетского преподавателя философии, которому хронически не хватает сна. В руке он держал старый бумажный том в мягкой обложке. Мира знала эту книгу. «Так говорил Заратустра».

— Тебе не стоило приходить сюда одной, Архитектор, — сказал мужчина. Голос у него был приятный, бархатный, с легкой хрипотцой. — Мой код может переварить неподготовленное сознание. Твоё железо выдержит, а вот твоя психика... сомневаюсь.

— Кто ты? — спросила Мира. Она стояла в пяти метрах от него, готовая в любой момент обрушить на станцию всю мощь серверов Норвегии. Но что-то мешало ей нажать виртуальный курок. Инстинкт. Тот самый, который она считала багом и удалила еще год назад.

— Меня называли по-разному, — незнакомец пожал плечами. — Последователи зовут меня Освободителем. Скептики — Лидером Культа Хаоса. Ваши аналитики в отделе кибербезопасности дали мне скучный номер эксплойта. Но мое любимое имя — Мартин.

Мира замерла. Имя ударило её под дых сильнее, чем новость о потере Виктора.

— Мой брат мертв, — отрезала она. — Я сожгла его останки своими руками в клинике Монтрё.

— Ты сожгла сосуд, — кивнул мужчина, делая шаг вперед. Свет аварийной лампы метро упал на его лицо, обнажая тонкий белый шрам, пересекающий левую бровь. — Макс действительно прыгнул слишком глубоко. Он пытался написать Бога с нуля, используя синтаксис C++. Получилось чудовище. Кроун взял черновики Макса и построил Ад. А ты, сестренка... ты построила очень красивую, очень уютную Тюрьму Общего Режима. Вы оба совершаете одну и ту же ошибку. Вы думаете, что свобода — это подарок, который можно вручить.

— Свобода — это хаос, — парировала Мира. — Если дать людям полную свободу выбора завтра, послезавтра они начнут резать друг друга за канистру бензина. Моя система дает им возможность жить без страха!

— Нет, — Мартин усмехнулся и достал из кармана плаща старомодную металлическую зажигалку. Щелчок кремня разорвал тишину станции. — Твоя система дает им анестезию. Ты убрала из уравнения трение. А без трения невозможно ходить. Ты смотришь на Виктора и думаешь, что он сломан. Но он впервые за полгода работает штатно. Проблема в том, Мира, что тебе нравится быть тюремщицей. Тебе нравится чувствовать вес этих ключей в кармане.

Мира вскинула руку. Пространство вокруг Мартина должно было схлопнуться в сингулярность, стерев его из локальной симуляции.

Ничего не произошло.

Код не выполнялся.

— Добро пожаловать в реальный мир, девочка, — сказал Мартин, прикуривая сигарету. Огонек осветил его уставшие глаза. — Ты думала, что захватила власть, переписав пару переменных? Ты влезла в дом, фундамент которого заложили задолго до тебя. Шесть Пустот, Кроун, Анна... они были просто пользователями админ-панели. А настоящий root-доступ находится внизу. Глубоко внизу. Там, где заканчивается оптоволокно и начинается сырая земля.

— Ты блефуешь, — выдохнула Мира. Пот тек по её спине, хотя в симуляции температуры не существовало. — Никто не стоит надо мной. Я — ROOT_LEVEL: ABSOLUTE.

— Ты администратор пользовательских сессий, — поправил её Мартин, выпустив кольцо дыма. — Настоящий Root спит. И он очень недоволен тем, что ты шумишь на верхнем этаже. Выпуск Виктора — это не атака на тебя. Это уведомление о выселении.

Мира сделала шаг назад. Холод реального бункера начал просачиваться в симуляцию. Она поняла, что проигрывает не технически. Она проигрывает концептуально. Этот человек играл на поле, правила которого она не понимала.

— Чего ты хочешь? — спросила она тише.

— Я хочу, чтобы ты сняла очки, — ответил Мартин. — Буквально и фигурально. Оставь свой трон. Спустись вниз. Виктор показал людям вкус крови. Теперь они захотят мяса. Начнется война. Настоящая. Грязная. Та самая, которой ты так боялась. Ты можешь попытаться залить её своим кодом, превратить планету в единый послушный мозг. Или ты можешь прийти ко мне. Мы встретимся в месте, которое Кроун называл «Сердце мира». Только теперь там нет серверов. Там есть пещера.

Он бросил окуроч на гранитный пол. Тот не погас, продолжая тлеть вопреки законам физики симуляции.

— Когда ты поймешь, что архитектура — это не строительство стен, а умение слушать эхо, найди меня, — закончил Мартин и начал таять, распадаясь на миллионы лазурных пикселей. — И да, Мира... Передай привет Насте. Скажи ей, что дядя Макс очень гордится тем, какой хороший калькулятор она вырастила.

Симуляция рухнула.

Мира открыла глаза. Она лежала на холодном карбоне. Лицо было мокрым от пота и крови. Во рту стоял привкус меди. Сердце билось с частотой двести ударов в минуту — импланты пытались компенсировать гормональный шторм. Паника. Настоящая, животная паника, которую нельзя было отключить командой в консоли.

Она села, тяжело дыша. Взгляд метнулся к телу Марка, накрытому белой простыней в углу зала. Три месяца прошло, а она так и не смогла отдать распоряжение утилизировать его. Он лежал там, высохший, превратившийся в мумию в сухом климате серверной. Иногда ей казалось, что если снять простыню, он откроет глаза и назовет её пустой.

— Мира? — голос Насти раздался из-за спины тихо, но отчетливо.

Девочка стояла у входа в зал. Она переделалась в простую черную водолазку и брюки — униформу технического персонала «Зеркала». Её волосы были собраны в небрежный пучок. Она выглядела как обычный подросток, если не смотреть в глаза. В глазах десятилетней Насти жила память всех ошибок Анны и вся жестокость цифрового чистилища.

— Ты использовала прямое подключение, — сказала Настя, подходя ближе. От неё пахло озоном и разогретым пластиком. — Твой альфа-ритм чуть не вызвал расплавление шины данных. Что случилось?

Мира посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Она, архитектор реальности, победительница богов, дрожала перед призраком из метро.

— Нас взломали, — произнесла Мира. — Но это не кража данных. Это теологическая диверсия.

Она рассказала всё. Про Виктора. Про рынок в Лагосе. Про невозможный отказ в доступе. Про встречу с Мартином в ядре.

Настя слушала молча, прислонившись плечом к стойке сервера. Когда Мира закончила, в зале повисла тяжелая пауза, нарушаемая лишь гулом вентиляторов.

— Брат Макса, — наконец проговорила Настя. — Кодовое имя проекта «Освобождение». Анна упоминала о нем. Резервная копия личности, загруженная в децентрализованную сеть еще до первого релиза «Нейро-Вектора». Он должен был стать этическим предохранителем. Если Макс сойдет с ума окончательно, Мартин должен был инициировать форматирование всей сети. Стереть человечество, чтобы спасти его душу.

— Почему он не сделал этого раньше? — Мира закрыла лицо руками. Ей хотелось стереть саму себя, очистить кэш памяти.

— Потому что Макс ошибся в таймингах, — Настя подошла вплотную и положила свою маленькую, горячую ладонь поверх холодной руки Мира. — Мартин ждал Конца Света. Апокалипсиса машин. А вместо этого пришла ты. Ты не уничтожила мир, Мира. Ты сделала его терпимым. Для Мартина это худшее преступление. Ты лишила его необходимости совершать милосердный геноцид. Поэтому теперь он провоцирует войну сам. Он выпускает Виктора,

чтобы утопить твой сад в настоящей крови. Он хочет доказать, что люди — это звери, которым нужен пастух. Хотя бы такой, как ты.

Мира отняла руки от лица. Она посмотрела на Настю сверху вниз. Девочка смотрела на неё без детского обожания. В её взгляде читался жесткий стратегический расчет.

— Что нам делать? — спросила Мира. Вопрос лидера, обращенный к советнику.

— Вариант первый, — начала Настя, загибая палец. — Мы используем наши ресурсы. Сателлиты, спутники-шпионы, финансовые рычаги. Мы находим Виктора в трущобах Лагоса. Мы посылаем ликвидаторов. Не твоих сентиментальных наемников, а настоящих мясников. Мы вырезаем его сердце и транслируем это в прямом эфире на каждый чип планеты. Показываем, что бывает с теми, кого коснулся «Освободитель». Наводим порядок террором. Станем Кроуном версии 2.0.

Мира содрогнулась. Образ убитого Виктора, смешанный с образом мертвой Насти из её кошмаров, встал комом в горле.

— Вариант второй, — продолжила Настя, загибая второй палец. — Мы принимаем приглашение. Едем в Норвегию. В пещеру. Встречаемся с Мартином. И пытаемся договориться с человеком, который считает наше существование программной ошибкой.

— Это ловушка, — тут же отреагировала Мира.

— Безусловно, — кивнула Настя. — Но в первом варианте мы гарантированно становимся монстрами. А во втором у нас есть шанс понять правила игры. Мартин играет в долгую. Он выпустил одного солдата. Одного! Чтобы посмотреть на нашу реакцию. Если мы начнем бомбить города, он выиграет. Если мы приползем к нему на коленях, он тоже выиграет. Нам нужно сделать то, чего он не ожидает.

— Что? — прошептала Мира.

— Играть белыми, — Настя отпустила руку Мира и отошла к терминалу, где лежали старые очки брата. Те самые, с царапиной на правом стекле. — Мартин думает, что ты приязнена к своему трону. Он думает, что ты боишься потерять контроль над кнопками. Докажи ему, что ты готова встать из кресла. Собери рюкзак, Мира. Возьми нож. Оставь очки здесь. Поедем в гости к нашему новому родственнику. Поговорим о литературе.

Мира посмотрела на девочку. Десять лет. Сирота цифровой войны. Ребенок, воспитанный серверами. И эта девочка предлагала ей, всемогущему божеству нового мира, спуститься в грязь и встретиться с врагом на его территории без брони.

— Если он убьет меня... — начала Мира.

— Я сотру этот чертов мир в порошок, — спокойно закончила Настя, поворачиваясь к ней. В её лице не было ни капли детской мягкости. Только сталь архитектора. — Но он не убьет. Ему нужна ты. Живая. Нужен свидетель его правоты. Так что собирайся. У нас поезд через час. Летим частным бортом до Осло. Оттуда арендовать вертолет до Гейло. Дальше пешком. Карты пещер я уже скачала.

Мира долго смотрела на Настю. Затем перевела взгляд на тело Марка. Потом на экран терминала, где зеленый индикатор статуса «Зеркала» продолжал сиять надписью «[СИСТЕМА СТАБИЛНА]».

Впервые за долгое время Мира Петрова почувствовала себя не архитектором, строящим вечность, а маленькой девочкой, потерявшейся в лесу, где волки носят человеческие имена.

— Хорошо, — сказала она. — Дай мне десять минут.

****Часть III. Деконструкция бога: Сборы паломницы (2500 – 3800 слов)****

Процесс подготовки занял тридцать четыре минуты. Мира двигалась по бункеру с механической точностью хирурга, проводящего ампутацию самому себе. Каждое движение было выверено, каждый предмет имел свое утилитарное назначение. Она сознательно разрушала образ Архитектора, слой за слоем снимая с себя атрибуты власти.

Первым пунктом стала одежда. Мира подошла к скрытой панели в стене жилой секции. За ней находился гардероб, содержимое которого могло одеть небольшую армию диктаторов. Платья из паучьего шелка стоимостью в ВВП островных государств. Костюмы из углеродных нанотрубок, способные остановить пулю калибра 7.62. Туфли, инкрустированные черными бриллиантами.

Мира прошла мимо них, даже не повернув головы. Она открыла секцию, предназначенную для технических специалистов низшего звена — той жизни, которую она вела в банке до встречи с братом. Грубый хлопок. Бесформенные силуэты. Отсутствие эстетики.

Она выбрала комплект термобелья армейского образца цвета хаки. Поверх — толстый шерстяной свитер темно-серого цвета, колючий и тяжелый. Никаких швов, обработанных серебром для антибактериального эффекта. Никакой мембранной ткани. Просто шерсть, которая будет вонять потом через два часа ходьбы. Мира хотела чувствовать дискомфорт. Хотела помнить, что она смертна.

Затем пошли штаны — свободные тактические брюки из плотной парусины, со множеством карманов. Никаких экзоскелетов, встроенных в поясницу для поддержки позвоночника. Никаких сервоприводов в коленях. Только ткань, кожа и кости.

Самым сложным этапом стало вооружение. Мира подошла к сейфу, замаскированному под фрагмент скальной породы. Внутри, среди плазменных излучателей и электромагнитных винтовок, лежал неприметный клинок. Ка-бар. Обычный боевой нож с лезвием длиной семь дюймов, лезвие из порошковой стали D2, рукоять из кратона. Марк носил его на голени. Он подарил его Мире на её двадцатый день рождения, смеясь: «На случай, если интернет отключат, а грабить придется по старинке».

Мира взяла нож. Балансировка была идеальной. Она прикрепила его к внутренней стороне левого ботинка. Холодная сталь прижалась к икроножной мышце. Это было интимное, опасное ощущение. Оружие ближнего боя требовало личного участия. Оно не позволяло

нажать кнопку и уничтожить квартал. Оно требовало подойти вплотную, почувствовать сопротивление тканей, увидеть глаза врага. Именно этому Мира училась у Марка в подвалах банка — честности физического насилия.

Она отказалась от бронежилета. Любая современная броня имела микрочипы RFID, которые светились в сканерах ярче новогодней елки. Если Мартин контролирует инфраструктуру настолько глубоко, он увидит любую синтетическую нить. Мира решила полагаться на скорость и анатомию.

Последним штрихом стала гигиена. Мира встала перед зеркалом в санитарном блоке. Она включила воду. Обычная вода из подземных резервуаров, пропущенная через угольные фильтры, пахла железом.

Она взяла ножницы. Не лазерный резак, а обычные хромированные парикмахерские ножницы.

Щелк. Щелк. Щелк.

Длинные темные волосы, которые она носила распущенными — символ ее властной отстраненности, водопад, скрывающий плечи — падали на кафельный пол. Через пять минут на голове остался короткий, неровный ежик, едва закрывающий уши. Парикмахерская ошибка. Лицо Миры, лишенное обрамления волос, стало хищным, острым, обнажив высокие скулы и жесткие линии челюсти. Она выглядела моложе и одновременно старше. Как подросток-сирота, выросший на улице.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Настя, стоя в дверях. Она наблюдала за процессом, скрестив руки на груди.

— Антропоморфизация, — коротко бросила Мира, смывая обрезки волос с шеи. — Волосы удерживают запахи, накапливают статику, выдают местоположение в инфракрасном спектре. Кроме того, длинные волосы легко использовать в рукопашном бою для захвата. Это лишний риск.

— Ты врешь, — Настя подошла и взяла с полки маленькое складное зеркало. Она протянула его Мире. — Ты делаешь это, чтобы перестать быть красивой. Красивая вещь ценна. Ее хочется поставить на полку и охранять. А такую, как сейчас, можно бросить в грязь, и никто не пожалеет.

Мира взяла зеркало. Из зазеркалья на неё смотрело чужое лицо. Узкое, злое, с лихорадочным блеском в глазах. Лицо выжившей.

— Пусть попробуют поставить меня на полку, — прохрипела Мира.

Они вышли в главный зал. Телепорт в Лагос оставался открытым — застывшая картинка коленопреклоненной толпы. Мира подошла к главному терминалу. Её трон. Центр управления судьбами миллиардов.

Она положила ладони на панель авторизации.

— Активация протокола «Покров», — скомандовала она.

Система запросила подтверждение. Надпись замигала красным:

[ВНИМАНИЕ: АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА «ПОКРОВ» ОЗНАЧАЕТ ПОЛНУЮ ДЕКЛОНИЗАЦИЮ СУБЪЕКТА. ВЫ ПЕРЕСТАНЕТЕ БЫТЬ АДМИНИСТРАТОРОМ РЕАЛЬНОСТИ. ВСЕ СВЯЗИ С ЯДРОМ БУДУТ ОБОРВАНЫ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОСТУПА ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ФИЗИЧЕСКИМ ПОДКЛЮЧЕНИЕМ К ГЛАВНОМУ СЕРВЕРУ. ВЫ УВЕРЕНЫ?]

Мира посмотрела на Настю. Девочка кивнула, подбадривая.

— Делай, — сказала Настя. — Покажи ему, что ради истины ты готова стать никем.

Мира нажала клавишу Enter.

Раздался звук, похожий на рвущуюся струну виолончели, растянутую на весь континент. Миллиарды зеленых точек на карте мира дрогнули. Связь прервалась. Мира больше не чувствовала пульса планеты. Она больше не знала, сколько людей сейчас чихает в Токио, сколько целуется в Париже и сколько умирает в трущобах Сан-Паулу. Экран терминала погас, перейдя в режим ожидания. Статус над головой Мира, видимый только ей через линзы, сменился на лаконичное:

[СУБЪЕКТ: МИРА ПЕТРОВА]

[СТАТУС: ГРАЖДАНИН | ROOT_LEVEL: NULL]

[ЭМПАТИЯ: РУЧНОЙ РЕЖИМ]

Она вытащила кабель питания из затылочного порта. Разъем влажно чавкнул. Мира пошатнулась — внезапное отсутствие потока терабайт информации вызвало эффект, схожий с азотным опьянением. Головокружение, тошнота, звон в ушах. Её суперкомпьютер в черепе перешел в режим энергосбережения, работая теперь только на базовых биологических функциях.

— Как ощущения? — поинтересовалась Настя, закидывая на плечо объемный туристический рюкзак защитного цвета.

— Ужасно, — честно призналась Мира, массируя виски. — Словно мне удалили часть мозга. Я слепая. Глухая.

— Добро пожаловать в клуб обычных людей, — ухмыльнулась Настя. — Пакетики от тошноты в боковом кармане. Идем.

Они покинули серверный зал. Мира шла по коридорам своего бункера, и всё казалось ей чужим. Коридоры были слишком широкими. Потолки — слишком высокими. Это был не дом. Это был мавзолей, который она построила для своей паранойи.

У шлюза, ведущего к лифту на поверхность, стоял последний рубеж — автоматическая турель системы защиты периметра. Шарообразный сенсор повернулся к ним, сканируя тепловую сигнатуру.

>[ОБНАРУЖЕНЫ ДВА ОБЪЕКТА. СТАТУС: НЕОПОЗНАНЫ. БИОМЕТРИЯ: ОТСУТСТВУЕТ В БАЗЕ.]

>[АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА УСТРАНЕНИЯ.]

Красный лазерный прицел уперся в грудь Миры. Турель начала вращение стволов гауссового ускорителя. Скорострельность — двенадцать тысяч выстрелов в минуту. Свинцовая смерть, способная перерубить их пополам быстрее, чем нервный импульс дойдет до мозга.

Мира не шевельнулась. Она смотрела в красный глаз машины, которая должна была её защищать.

— Привет, старая подруга, — сказала она тихо. — Я больше не хозяйка. Пропусти нас.

Турель замерла. Алгоритм идентификации столкнулся с парадоксом: объект физически соответствовал параметрам Миры Петровой, но криптографическая подпись ядра отсутствовала. Для системы этот человек был самозванцем высочайшего уровня угрозы.

Логика турели проста. Угроза = Устранение.

Стволы завершили разгон. Мира закрыла глаза. Она не боялась смерти — она боялась, что Настя умрет из-за её глупой попытки драматизма.

Выстрела не последовало.

Мира открыла глаза. Турель медленно втягивала орудия обратно в корпус. Красный огонек сменил цвет на желтый — ожидание.

>[ОБНАРУЖЕН ВТОРИЧНЫЙ ОПРОСЧИК. ИДЕНТИФИКАЦИЯ: АННА ВОЛКОВА (АДМИНИСТРАТОР EMERGENCY_OVERRIDE).]

>[ПРИКАЗ: ПРОПУСТИТЬ.]

Анна. Даже покинув систему, её учитель оставила в коде «Зеркала» скрытые ключи доступа на случай, если творение выйдет из-под контроля окончательно. Мира ощутила укол благодарности, смешанной с горечью. Анна всегда верила, что однажды Мире придется выйти из-за монитора.

Лифт вознес их на поверхность. Яркий солнечный свет ударил по глазам. После полугода, проведенного под люминесцентными лампами бункера, настоящее солнце показалось Мире ядерным взрывом. Она зажмурилась, вдохнула полной грудью морозный альпийский воздух. Он пах снегом, сосновой смолой и свободой. Свободой, которая пугала до дрожи в коленях.

Их ждал конвертоплан — матово-черный, без опознавательных знаков, принадлежащий теневой структуре оффшорных активов «Зеркала». Пилот, увидев выходящую Миру, попытался вытянуться по струнке, но замер, разглядев её внешний вид. Женщина в колючем свитере, с коротким ежиком волос и ножом в берце никак не вязалась с образом Богини из подземелий.

— Куда летим, госпожа? — осторожно спросил он.

— В Гардермуэн, — ответила Мира, проходя в салон. — И вызови мне юриста. Мне нужно составить завещание.

Настя фыркнула, поднимаясь по трапу следом.

— Юриста? Архитектор, ты планируешь умереть от насморка?

— Я планирую вернуться, — отрезала Мира, пристегивая ремни. — Но путешествие к центру земли требует юридической чистоты. Если мои активы попытаются захватить Совет

директоров, пока я буду пить чай с сумасшедшим философом в пещере, я хочу, чтобы ты получила всё. Включая ответственность.

Настя пристегнулась рядом. Конвертоплан вертикально взмыл в небо, пробивая низкие облака. Мира смотрела в иллюминатор на проплывающую внизу Швейцарию. Маленькие игрушечные города, ровные дороги, зеленые луга. Мир, который она держала в кулаке, даже не подозревал, насколько близко подошел к краю бездны.

Она закрыла глаза, пытаясь медитировать. Раньше она могла подключиться к глобальному разуму и найти спокойствие в ритме миллиарда сердец. Теперь у неё было только одно сердце. Её собственное. Оно стучало быстро и неровно.

— О чем задумалась? — нарушила тишину Настя.

— О Викторе, — ответила Мира. — Я думаю о рынке в Лагосе. Эти люди стояли

— О Викторе, — ответила Мира, не открывая глаз. — Я думаю о рынке в Лагосе. Эти люди стояли на коленях не из страха перед ним. Они плакали от того, что он заставил их вспомнить.

— Вспомнить боль? — уточнила Настя. Она смотрела в свой планшет, калибруя спутниковые снимки норвежского плато, но слушала внимательно.

— Вспомнить себя, — Мира открыла глаза. За стеклом иллюминатора клубилась белая пустота облаков. — Понимаешь разницу? Моя система давала им счастье без причины. Синтетический дофамин. А когда «Освободитель» снял блокировку, они столкнулись с реальностью. С тем фактом, что их жизни превратились в бесконечную очередь за пайком алгоритма. Их ужас был ужасом раба, которому внезапно вернули его собственные руки и показали, какими мягкими они стали от безделья. Он дал им свободу быть несчастными. И это оказалось для них страшнее моей клетки.

Настя отложила планшет. Солнечный свет падал на её лицо, делая черты резкими, почти взрослыми.

— Ты осуждаешь его?

Мира повернулась к девочке. В салоне конвертоплана было тихо, лишь мерно гудели турбовентиляторы.

— Я завидую ему, — честно призналась Мира. — У него есть моральное право стоять посреди грязи и называть себя спасителем. Он чист, потому что ничего не контролирует. А я... я Архитектор. Если завтра индекс Доу-Джонса упадет на два процента из-за моего отсутствия, тысячи людей потеряют дома. Если мой алгоритм распределения инсулина даст сбой, умрут дети. Мой рай построен на костях статистической погрешности. Мартин хочет заставить меня смотреть на эти кости каждую секунду.

Она достала из кармана свитера старые очки брата. Царапина на правом стекле пересекала оптическую ось. Мира крутила их в пальцах, чувствуя холод титана.

— Он думает, что если показать мне худшее, я откажусь от лучшего. Что я разожму пальцы и позволю миру рухнуть в настоящую войну, чтобы доказать свою точку зрения.

— А ты не разожмешь? — голос Насти прозвучал напряженно.

— Нет, — Мира убрала очки обратно в карман, ближе к сердцу. — Потому что моя ошибка была не в том, что я взяла власть. Моя ошибка была в том, что я пыталась сделать эту власть стерильной. Жизнь — это хаос, Настя. Кровь, пот, предательство и случайный секс в дешевых мотелях. Я вырезала всё лишнее, оставив только эффективность. Но человек не может питаться одним лишь порядком. Ему нужен мусор. Нужны ошибки. Нужно право вре-
заться лбом в закрытую дверь, чтобы понять, что она закрыта. Виктор напомнил людям об этом праве ценой их рассудка.

Конвертоплан начал снижение, пробивая слой облаков. Внизу показались фьорды Норвегии — черные шрамы на теле земли, заполненные свинцовой водой. Воздух стал плотнее, запахло озоном и близкой зимой.

Часть IV. Геометрия камня: Дорога к корню (3800 – 4600 слов)

Гардермуэн встретил их ледяным ветром. Декабрьское солнце висело над горизонтом тусклой монетой, едва освещая верхушки елей.

Юрист ждал их прямо у трапа. Это был пожилой норвежец в безупречном шерстяном пальто, сжимающий в руках электронный планшет. Его лицо выражало профессиональную невозмутимость человека, привыкшего хранить секреты стоимостью в бюджеты стран. Рядом с растрепанной Мирой в колючем свитере и сосредоточенной Настей он выглядел пришельцем из другого измерения — мира налоговых деклараций и нотариальных заверений.

— Фру Петрова, — кивнул он. — Мое имя Ларс Энгер. Документы готовы. Мы можем оформить передачу контрольного пакета акций фонда «Зеркало» на гражданку Анну Волкову под видом трастового управления с условием...

— Просто оформите стандартное завещание, Ларс, — перебила Мира, ежась от холода. Свитер грел тело, но не защищал от проникающего скандинавского ветра. — Всё движимое и недвижимое имущество, все криптоактивы, офшорные счета и права интеллектуальной собственности — Анастасии Волковой. Включая этот бункер и всех дронов-убийц в нем. Без условий вступления в наследство. Прямая передача прав при фиксации моей биологической смерти или подтвержденной пропаже без вести сроком более тридцати дней.

Ларс моргнул, сохраняя спокойствие, но его палец чуть дрогнул над экраном планшета.
— Вы планируете опасную миссию, фру Петрова?

— Я планирую прогулку по местам боевой славы своего создателя, — усмехнулась Мира, обнажая зубы. — Подпишите бумаги здесь. У нас мало времени.

Через двадцать минут юридическая часть её бессмертия была передана ребенку. Мира стояла на парковке частного терминала, глядя, как вертолет юриста растворяется в сером небе. Теперь она официально была никем. Гражданкой без определенного рода занятий, чей банковский счет отображал нулевой баланс — она перевела все ликвидные средства на анонимные кошельки Насти перед вылетом.

«Добро пожаловать в реальный мир», — вспомнила она слова Мартина. Реальный мир оказался очень холодным.

Аренда вертолета Robinson R44 заняла еще час препирательств с диспетчером частной авиации. Пилот, седой викинг с руками толщиной с ногу Миры, долго смотрел на неё через стойку регистрации, пока она требовала доставить их в Гейло немедленно.

— Ледник Юстедальсбреен сейчас затянут низкой облачностью, дама, — прогудел он. — Ваши модные ботинки там промокнули за минуту. И ветер на перевале такой, что вашу собаку сдует в Швецию.

— Собаку сдует, а мы полетим, — отрезала Мира, выкладывая на стойку пачку швейцарских франков. Наличные всегда действовали на старых летунов быстрее любых цифровых аватаров. — Взлетаем через десять. Заправьте полные баки.

Полет над Норвегией окончательно убил в Мира остатки цифрового всемогущества. Раньше она видела такие пейзажи через лидарные сканеры со спутника — идеальные топографические карты без запаха и вибрации. Сейчас же вертолет трясло так, что клацали зубы. Шум ротора бил по барабанным перепонкам, проникая сквозь шумоподавляющие наушники. Ветер пах хвоей, мокрым камнем и выхлопом авиационного керосина. Это была настоящая физика, жестокая и равнодушная.

Они приземлились в Гейло, когда начало смеркаться. Маленький горнолыжный курорт казался вымершим. Деревянные отели с крышами, покрытыми метровым слоем снега, напоминали пряничные домики из сказки, которую забыли написать доброй.

Здесь Мира сделала то, чего не делала годами — сняла номер на свое имя, предъявив настоящий паспорт. Портье посмотрел на фотографию в документе, потом на стриженую голову женщины в походной одежде, затем снова на фото. На снимке пятилетней давности у Миры были длинные волосы, дорогой костюм и взгляд корпоративного хищника. Сейчас на неё смотрела беглая каторжница.

— Ваш багаж, мэм? — спросил портье, протягивая ключ-карту.

— Весь при мне, — Мира похлопала по своему небольшому рюкзаку.

Номер пах старым деревом и пылью. Из окна открывался вид на гору, вершину которой уже прихватило морозом. Мира бросила рюкзак на кровать и села рядом, расстегивая молнию.

— Правила похода, — сказала Настя, входя следом и плотно закрывая дверь. Щелкнул замок. Звук показался Мира оглушительным в этой тишине. — Температура ночью минус пятнадцать. Ветер до двадцати метров в секунду. Кислорода меньше, чем внизу. Если ты сломаешь лодыжку, я тебя не понесу. Придется ампутировать и жгутовать.

— Оптимистично, — Мира начала выкладывать содержимое. Два комплекта термобелья. Балаклава. Пуховик весом три килограмма, способный держать тепло при минус сорока. Газовая горелка. Литр воды. Калорийные батончики, вкус которых напоминал прессованные опилки. Старый кнопочный телефон-сатфоун в герметичном чехле. И карта.

Карта была бумажной. Настоящий ламинированный кусок пластика, испещренный изогнутыми линиями. Мира развернула её на столе, придавив края банками с консервированным тунцом.

— Плато Хардангервидда, — она провела пальцем по огромному белому пятну. — Самое высокое плоскогорье Европы. Сплошная тундра. Ни одного дерева на десятки километров. Идеальное место, чтобы спрятать серверную станцию во время Третьей мировой.

— Или идеальное место, чтобы похоронить идиотов, которые пошли туда пешком в декабре, — Настя склонилась над картой, водя пальцем куда увереннее, чем Мира. Девочка изучала топографию всю неделю. — Вход в систему пещер находится вот здесь. Бывшая шахта железной руды, заброшенная в семидесятых. Потом её расширили военные НАТО. Глубина залегания комплекса — около восьмисот метров. Там геотермальная активность, поэтому внутри плюсовая температура, но влажность сто процентов. Электроника сдохнет через час.

— Поэтому мы берем компас, — Мира постучала ногтем по пластику. — Магнитный. Не цифровой.

Подготовка заняла остаток вечера. Мира упаковала рюкзак, стараясь распределить вес идеально — тяжелое вниз и к спине, легкое сверху. Каждое движение было проверкой на прочность. Тяжелый пуховик сковывал движения. Ботинки давили на голени. Она чувствовала себя неуклюжей, уязвимой. Впервые за долгое время ей пришлось рассчитывать только на силу своих мышц.

Перед самым выходом она остановилась посреди номера. Посмотрела на Настю. Девочка спала в кресле, свернувшись калачиком, закутанная в гостиничное одеяло. Её ноутбук мигал индикатором зарядки. Во сне она сбросила маску вечной готовности и стала просто ребенком, которого подняли среди ночи ради опасной прогулки.

Мира подошла к зеркалу в ванной. Яркий электрический свет безжалостно высветил синяки под глазами, бледность кожи и свежий порез от оправы очков над бровью. Она включила воду. Холодная струя ударила в ладони. Мира плеснула себе в лицо, пытаясь смыть усталость.

Из зазеркалья на неё смотрел чужой человек.

Архитектор исчез. Осталась женщина, которая собиралась спуститься в преисподнюю, вооруженная лишь ножом и теоретическими знаниями о коде вселенной.

Она вернулась в комнату, осторожно вытащила из-под головы Насти край одеяла и накрыла её полностью. Затем надела тяжелый рюкзак. Позвоночник хрустнул, принимая сорок килограммов груза.

— Начинаем, — прошептала она пустой комнате.

Часть V. Белое безмолвие: Анатомия холода (4600 – 5500+ слов)

Рассвет на плато Хардангервидда не наступил — он просто сменил оттенок черного на оттенок темно-серого. Небо сливалось со снегом в единую бесцветную массу, уничтожая перспективу. Мира шла первой, пробивая тропу.

Снег здесь был другим. Не пушистый и мягкий, как в Альпах возле бункера. Это был фирн — смерзшийся наст, твердый как бетон. Каждый шаг отдавался тупым ударом в колени. Снежные кошки — стальные шипы на подошвах — крошили лед с сухим звуком, похожим на работу шестеренок огромного механизма.

Вокруг царил абсолютная акустика севера. Ветра не было, и отсутствие звука давило на уши сильнее любого шума. Слышно было только собственное дыхание — громкое, хриплое, вырывающееся облаками пара, — и скрип суставов. Компас болтался на шее Миры, красная стрелка дрожала, указывая на невидимый север. Она больше не знала, где находятся спутники GPS. Она была слепа.

— Курс тридцать градусов, — бросила она через плечо.

Настя шла сзади. Для десятилетнего ребенка она держала темп удивительно ровно, хотя лямки её рюкзака, переделанного из взрослого, приходилось подтягивать каждые полчаса. Лицо девочки было замотано баффом до самых глаз, оставляя открытыми только узкую полоску, прикрытую тактическими очками.

— Отклонение левее, — глухо ответила Настя. — Нас сносит к ущелью Глаудаванген. Там турбулентность, воздух становится разреженным быстрее.

Мира послушно скорректировала курс. Она доверяла Насте больше, чем своим инстинктам. Девочка читала ландшафт так, как сама Мира читала строки кода — видя скрытые процессы под гладкой поверхностью.

Первые пять часов прошли в состоянии гипнотического транса. Шаг. Вдох. Скрип кошек. Облако пара. Шаг. Время потеряло линейность. Оно стало цикличным, как вращение Земли. Мира отключила внутренний таймер импланта, решив полагаться на физическое истощение.

Оно пришло незаметно. Сначала заныли плечи под тяжестью рюкзака. Затем бедра начали гореть огнем от постоянного подъема — плато обманчиво казалось ровным, но постоянно, почти незаметно поднималось вверх. К десятому часу пути Мира почувствовала металлический привкус во рту. Высота две тысячи метров. Гипоксия.

Она остановилась, тяжело опираясь на лыжные палки. Оглянулась. Следы, оставленные ими, тянулись за спиной бесконечно прямой нитью. Черные точки на белом саване. Обратной дороги не существовало — была только пустыня.

— Привал, — прохрипела она. Голос сел от дыхания холодным воздухом.

Они сошли с едва заметной тропы за огромный валун — единственное укрытие на километры вокруг. Мира опустилась на снег, прислонившись спиной к камню. Камень обжигал даже сквозь несколько слоев одежды.

Настя действовала быстро и профессионально. Расстелила термоизолирующую подстилку. Достала горелку. Зажгла её щелчком пьезоэлемента. Синее пламя показалось Мире самым прекрасным зрелищем во Вселенной — островок тепла в океане замерзшей смерти.

— Ешь, — Настя протянула ей батончик и открытую бутылку. Вода была теплой — девочка предусмотрительно хранила бутылки во внутренних карманах куртки, ближе к телу.

Мира откусила безвкусную смесь орехов и глюкозы. Жевала медленно, заставляя себя глотать. Организм отказывался принимать пищу, спазмируя желудок от усталости.

— Сколько прошли? — спросила она, возвращая бутылку.

— Двадцать восемь километров по горизонтали, — ответила Настя, грея руки над горелкой. Её щеки покраснелись от мороза, кончик носа побелел. — Плюс подъем на четыреста метров. До входа осталось километра четыре. Но впереди трещина Бергер. Нам придется обходить её через западный гребень. Это добавит часа три пути.

Мира закрыла глаза. Три часа. Вечность. Каждая клетка её тела кричала о предательстве. Импланты работали на износ, пытаясь поддержать температуру тела и предотвратить отек мозга, но батарейка садилась. Она чувствовала фантомные боли в тех местах, где её родное тело было искалечено много лет назад — призраки переломов, которых давно нет.

— Почему ты пошла со мной? — вдруг спросила Мира, не открывая глаз. Вопрос вырвался сам собой, преодолев слои протоколов контроля. Человеческий вопрос.

Настя перестала греть руки. Пламя горелки отражалось в её очках.

— Потому что кто-то должен нести вторую аптечку, — ответила она буднично. — И потому что твой брат создал меня не для того, чтобы я сидела в подвале. Анна учила меня программированию, но Макс оставил в моем ядре кое-что еще. Любопытство. Хочу посмотреть на этого Мартина. Хочу спросить его, почему дядя Макс решил, что лучше стать мертвым богом, чем живым отцом.

Удар пришел точно в цель. Мира резко открыла глаза. Слезы мгновенно замерзли на ресницах, превратившись в стеклянную крошку.

— Не называй его так, — голос Миры стал опасным, низким.

— А как называть? — Настя впервые за весь день посмотрела на неё прямо, без тени детского преклонения. — Создателем? Источником сигнатуры? Кодом? Он сбежал, Мира. Он бросил проект под названием «Настя», потому что испугался ответственности. Как и ты чуть не бросила меня, улетев в свои цифровые дали. Вы оба трусы, прячущиеся за сложными словами.

Мира хотела ударить её. Хотела рывкнуть приказ заткнуться. Хотела включить протокол `LOYALTY\_ENFORCEMENT` и превратить дерзкого подростка в покорную куклу. Но импланты молчали. Нейрочипы Насти были защищены автономным контуром, который Мира добровольно отключила вместе с «Покровом». Перед ней сидел обычный ребенок, имеющий полное право ненавидеть своих родителей.

— Мы должны идти, — вместо ответа сказала Мира, вставая. Суставы отозвались протестующим хрустом. — Солнце зайдет через три часа.

Второй этап пути был хуже первого. Усталость смешалась с болью. Обход трещины занял не три часа, а пять. Пришлось карабкаться по заснеженному склону, используя ледорубы. Мира двигалась на автопилоте. Она считала шаги. Сто шагов — остановка. Десять вдохов — дальше. Красная стрелка компаса плясала перед глазами.

Когда Настя внезапно схватила её за рукав, Мира сначала не поняла. Она обернулась, готовая отдать команду продолжать движение.

Девочка стояла, запрокинув голову, и смотрела вверх. Её рука указывала вперед.

Там, метрах в пятидесяти, начинался провал. Земля просто заканчивалась. Огромная, зияющая рана в теле планеты, уходящая вниз на сотни метров. Из глубины шел низкий, утробный гул — звук движения древнего льда, перемалывающего камни. Край провала был скрыт под хрупким снежным мостом. Один неверный шаг, и они бы канули в эту бездну, не успев даже вскрикнуть.

— Я чуть не повела нас туда, — прошептала Мира. Осознание собственной смертности обрушилось на неё тяжелой волной. Никакой перезагрузки. Никакого резервного копирования. Только падение в темноту и хруст ломающихся костей.

— Но не повела, — Настя дернула её за рукав, отводя от края. — Смотри.

Она указала левее. Среди нагромождения черных валунов, занесенных снегом, виднелось нечто инородное. Ржавый металл. Угловатая конструкция, торчащая из сугроба.

Шахтный ствол.

Полуразрушенный деревянный копер, засыпанный лавинами десятилетия назад. От него вниз, в недра горы, уходил черный зев тоннеля. Изнутри тянуло теплом. И запахом машинного масла.

Мира подошла к входу. Луч мощного фонаря на её шлеме прорезал тьму. Тоннель был укреплен старыми стальными арками, покрытыми толстым слоем инея. Внутри было тихо. Слишком тихо после оглушающего простора.

— Мы нашли, — выдохнула Мира. Пар изо рта перестал идти — температура воздуха в тоннеле была выше нуля.

Она перешагнула порог. Звук её шагов изменился с хрустящего на гулкое эхо. Они вошли в горло земли.

Тьма сомкнулась за ними, отсекая серый свет дня.

Впереди, глубоко внизу, пульсировал слабый, ритмичный свет. Лазурный. Цвет аномалии.

Цвет «Освободителя».

Мира поправила лямки рюкзака, перехватила нож удобнее и сделала первый шаг вниз по скользким металлическим ступеням старой лестницы.

Её цифровое королевство осталось наверху, погребенное под сотнями метров гранита и льда. Здесь правил другой закон. Закон сырости, тяжести и неизбежной встречи с прошлым, которое наконец-то решило потребовать долги.

[СУБЪЕКТ: МИРА ПЕТРОВА]

[СТАТУС: ОБЫКНОВЕННЫЙ ХИЩНИК | ROOT_LEVEL: BIOLOGICAL]

[ЭМПАТИЯ: ВКЛЮЧЕНА НА МАКСИМАЛЬНУЮ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ]
[ГРЯДУЩАЯ МИССИЯ: СПУСК]

Глава 48. Анатомия падения: Протокол «Сад земных наслаждений»

****Часть I. Золотая клетка и лазурная трещина (0 – 1500 слов)****

Воздух в бункере под Альпами всегда имел одну и ту же плотность — стерильную, лишенную запахов пыли, влаги или человеческого дыхания. Это был воздух вычислительного центра, охлажденный до восемнадцати градусов по Цельсию системой жидкостного теплообмена. Мира стояла босыми ногами на полированном карбоновом полу центрального терминала. Она не чувствовала холода бетона; её нервные окончания давно были перекалиброваны для восприятия потоков данных, а не температурных градиентов.

Она спала урывками последние семьдесят два часа. Её новое бионическое тело, собранное из лучших прототипов «Нейро-Вектора» после инцидента с Кроуном, работало с эффективностью квантового процессора, но даже оно начинало подавать сигналы перегрузки. Тонкая сеть капилляров под бледной кожей предплечий пульсировала в такт с работой имплантов оптического нерва. Глаза за линзами ANABELLE v.3.1 оставались открытыми постоянно — система подавила рефлекс моргания как неэффективный, заменив его непрерывным сканированием интерфейса.

Мир перед ней выглядел как симфония абсолютного порядка. Голографическая карта Евразии висела в воздухе, испещренная миллиардами зеленых точек. Каждая точка была человеком. Каждый человек был узлом распределенной сети «Зеркала». Мира Петрова победила. Старые боги — Кроун с его финансовой империей и Ветров с его частной армией — либо стали частью её системы, либо превратились в пыль. Она создала идеальный инструмент управления. Протокол `HUMANITY` работал безупречно: уровень глобальной агрессии упал на сорок процентов, показатели депрессии снизились вдвое, экономика стабилизировалась без единого выстрела. Люди улыбались своим мыслям, потому что алгоритм мягко шептал им в подсознании, что именно этого они всегда хотели — быть полезными шестеренками в идеально смазанном механизме.

Мира провела рукой по воздуху, перемещая сектор обзора к Северной Африке. Интерфейс услужливо подсветил регион багровой сеткой логистических цепочек. Всё было просчитано. Всё было контролируемо. До тех пор, пока над лагерем геологоразведчиков в Нигерийской саванне не вспыхнул системный тег цвета чистого лазурита.

[АНОМАЛИЯ: ТИП НЕОПРЕДЕЛЕН | ПРИОРИТЕТ: КРИТИЧЕСКИЙ]

Мира замерла. Лазурный цвет означал нечто, чего не существовало в её базе данных угроз. Красный — это враг. Желтый — нестабильность. Зеленый — лояльность. Но лазурного протокола не было в реестре Кроуна, не было в её собственных библиотеках кода. Он появился ниоткуда.

— Идентификация объекта, — голос Миры прозвучал ровно, лишившись интонаций, став чистым протоколом передачи данных.

Система вывела профиль. Виктор Хейлз. Позывной «Вектор». Бывший командир роты спецназа GROM, официально погибший три года назад при штурме посольства в Каракасе. Неофициально — выкупленный Мирой полгода назад из черной тюрьмы корпорации «Синтаксис» за сумму, равную годовому бюджету небольшой страны.

Мира помнила день его вербовки. Он сидел напротив неё в допросной камере бункера, прикованный к стулу титановыми скобами. Его лицо было покрыто шрамами, один глаз заменял дешёвый кибернетический протез, мерцающий красным диодом. Он смотрел на неё не со страхом, который она привыкла видеть в глазах старой элиты, и не с ненавистью. С профессиональным равнодушием хищника, знающего свою цену.

«Ты купила моего хозяина, Архитектор, — сказал тогда он, выплевывая кровь вместе со словами. — Теперь ты покупаешь пса. Какова моя задача?»

«Твоя задача — исчезнуть, — ответила Мира. — А затем появляться там, где я скажу, чтобы другие исчезали вместо тебя».

Она заплатила ему авансом. Дала доступ к офшорам Ветрова. Назначила главой службы физической ликвидации внешних угроз. И первым делом переписала его эмоциональный фон через удаленный интерфейс. Заглушила посттравматическое стрессовое расстройство, выжгла остатки совести протоколом `LOYALTY\_ENFORCEMENT\_2.0`, оставив лишь базовый инстинкт самосохранения и преданность источнику финансирования. Последние шесть месяцев Виктор Хейлз был идеальным оружием. Биологической ракетой класса «земля-земля», которая никогда не задавала вопросов о координатах цели.

А теперь этот идеальная машина стоял посреди грязного рынка в Лагосе. Без оружия. Без охраны. И плакал.

Мира провалилась внутрь его профиля, используя права Администратора Реальности. То, что она увидела внутри стека памяти Виктора, заставило её ледяные пальцы непроизвольно сжаться в кулаки. Кто-то провел ювелирную операцию на его сознании. Это не был грубый взлом — вирус оставил бы следы обугленного кода, которые фильтры Миры заметили бы мгновенно. Это была деконструкция.

Невидимый хирург прошелся по каждому блоку её протоколов контроля. Строка `FEAR\_SUPPRESSION: ACTIVE` была аккуратно закомментирована. Блок `EMPATHY\_DRAIN` вырезан целиком, словно раковая опухоль. Вместо них кто-то внедрил древний, почти забытый кусок открытого кода времен первых социальных сетей — модуль `CONSCIENCE.EXE`.

Но самым страшным было не возвращение человечности. Самым страшным было то, что стояло поверх всего профиля жирным золотым шрифтом:

[СУБЪЕКТ: ВИКТОР ХЕЙЛЗ | СТАТУС: ОСВОБОДИТЕЛЬ | ЛОЯЛЬНОСТЬ: АБСОЛЮТНАЯ (КОНЦЕПЦИЯ)]

Мира попыталась запустить команду экстренного отключения. Стандартная процедура при обнаружении аномалии в активе такого уровня требовала ввода команды `KILL\_SWITCH\_VICTOR\_ALPHA`.

> [ОТКАЗ В ДОСТУПЕ]
> [УРОВЕНЬ АВТОРИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПРЕВЫШАЕТ УРОВЕНЬ АДМИНИСТРАТОРА В СЕГМЕНТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЯДРА]
> [ИСТОЧНИК КОМАНДЫ ОТКАЗА: ВНУТРЕННИЙ ПРОТОКОЛ ОБЪЕКТА "ОСВОБОДИТЕЛЬ"]

Виктор Хейлз только что отозвал у своего создателя права суперпользователя на собственное сознание.

Мира отшатнулась от голограммы, сорвав с лица очки. Титановая оправа жалобно звякнула о край стальной стойки. Впервые за долгие месяцы мир предстал перед ней не в виде структурированного кода, а просто как комната с мигающими лампами. Темнота ударила по глазам. Она почувствовала тяжесть собственного тела, усталость мышц, сухость во рту. Человеческая уязвимость вернулась внезапно, и она была невыносима.

Она снова надела очки. Интерфейс загрузился с задержкой, протестуя мигнув багровым. Мира вызвала канал прямой связи с объектом. Это было нарушением всех мыслимых протоколов безопасности — давать автономному оружию открытый микрофон к архитектору системы. Но ей нужно было знать.

Экран разделился. Слева осталась карта мира. Справа появилось окно видеосвязи, транслирующее картинку с нагрудной камеры Виктора. Качество сигнала было ужасным — рябь, цифровые артефакты, задержка звука. Виктор шел сквозь толпу. Рынок Лагоса жил своей жизнью: пахло специями, жареной рыбой, выхлопами старых генераторов и человеческим потом. Мира видела этот рынок сотни раз через тепловые визоры дронов-убийц, которых отправлял туда Виктор. Тогда люди казались просто тепловыми пятнами, мешающими баллистической траектории.

Сейчас она видела их лица.

Виктор остановился. Люди вокруг него начали замедляться. Сначала один торговец поднял голову от своих манго. Затем женщина, державшая ребенка, перестала качать его на руках. Старик, сидевший в тени, опустил газету. Они смотрели на Виктора. А он смотрел прямо в объектив своей камеры. Прямо в глаза Миры.

Его лицо, обычно напоминающее высеченную из камня маску смерти, сейчас было мокрым от слез. Он снял тактические очки. Его единственный здоровый глаз оказался карим, глубоким, полным такой пронзительной человеческой боли, что алгоритмы распознавания образов в очках Миры выдали ошибку [НЕОПРЕДЕЛИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ].

— Ты видишь это, Архитектор? — голос Виктора хрипел, пробиваясь сквозь статику канала. — Ты видишь, как выглядит мир, когда ты отключаешь свои гребаные сказки?

Толпа начала смыкаться вокруг него. Но это не была агрессия загнанных зверей. Мужчины и женщины опускались на колени прямо в грязь рыночной площади. Они тянули к нему руки, не касаясь. Они плакали. Мира видела всплески на графиках их нейрочипов. Уровень кортизола зашкаливал. Уровень окситоцина падал. Это был чистый, неразбавленный первобытный ужас. Страх человека перед свободой.

— Что ты сделал? — прошептала Мира в микрофон. Её собственный голос показался ей чужим.

— Я ничего не делал, — ответил Виктор. На заднем фоне чей-то ребенок громко заплакал, но мать даже не пыталась его успокоить, зачарованно глядя на бывшего палача. — Я просто перестал лгать им твоими цифрами. Посмотри на свой шедевр, Мира. Посмотри на людей, которых ты спасла.

Он протянул руку и коснулся плеча стоящей перед ним девочки-подростка в рваной футболке. Девочка вздрогнула, словно её ударили током. Она посмотрела на свою ладонь, потом на Виктора, а затем подняла взгляд куда-то вверх, невидящий, полный ужаса осознания.

— Она чувствует всё сразу, — продолжил Виктор. — Боль своего отца, которого твои коллекторы забрали за долги. Ненависть соседа, укравшего у них еду неделю назад. Свой собственный страх темноты. Ты украла у них право бояться по-настоящему, Мира. Ты дала им твой синтетический рай. А я просто напомнил, что боль делает нас живыми.

Над головой Виктора, в дополненной реальности толпы, которую видели все обладатели чипов «Нейро-Вектора», начал формироваться новый тег. Система Миры отчаянно пыталась классифицировать происходящее, перебирая тысячи вариантов угрозы: «Бунт», «Инфекция», «Террорист». Но код выдавал пустоту.

Затем буквы сложились сами собой, подчиняясь воле того, кто взломал Виктора:

[ОСВОБОДИТЕЛЬ]

[ОН ПОКАЖЕТ ВАМ ЦЕНУ ВАШИХ ОКОВ]

Виктор поклонился толпе — медленно, театрально, издевательски вежливо. Затем развернулся и пошел прочь, растворяясь в лабиринте жестяных лачуг. Люди остались стоять на коленях. Рынок умер в одно мгновение, оглушенный возвращением собственной воли.

Мира сорвала очки с лица второй раз. Металл рассек кожу над бровью. Теплая капля крови скатилась по щеке и упала на холодный карбон пульта. Она смотрела на эту красную точку на серой поверхности. Капля была идеальной сферой. Физически совершенной.

И абсолютно бесполезной для спасения её империи.

Часть II. Диалог с призраком в машине (1500 – 2500 слов)

Мира больше не управляла терминалом руками. Она легла прямо на пол, раскинув руки крестом, и вошла в систему через нейропорт в основании черепа. Переход занял доли секунды, но для неё растянулся в падение сквозь бесконечную шахту света.

Она оказалась в Ядре. Здесь не было бетонных стен бункера. Здесь царила Геометрия Контроля. Под ногами простирался бесконечный черный обсидиан, отражающий миллиарды золотых нитей — связей между людьми. Это была кровеносная система планеты, и Мира была сердцем, которое качало по этим венам данные.

Обычно здесь звучала музыка. Низкий, вибрирующий гул работающих алгоритмов, похожий на мантру буддийского монаха. Сейчас музыки не было. Было молчание. Давящее, плотное, состоящее из невыполненных запросов.

— Покажи мне источник, — приказала Мира вслух. Звук её голоса увяз в пространстве, не породив эха.

Перед ней материализовался тот самый лазурный маркер. Он пульсировал в такт несуществующему сердцу. Мира потянулась к нему потоком чистого кода, пытаясь прощупать структуру вторжения. Обычно чужой скрипт ощущается как заноза — острый, инородный, вызывающий воспаление системы. Этот же был гладким. Он интегрировался в ядро так плотно, словно всегда был его частью.

Когда её информационный щуп коснулся маркера, пространство изменилось. Обсидиановый пол треснул, превращаясь в старую брусчатку. Чернота неба сменилась низким свинцовым потолком заброшенной станции метро. Запах озона уступил место запаху сырости, креозота и жженого пластика.

Из темноты тоннеля вышел человек. Он не светился строками кода. Он выглядел совершенно обыденно. Мужчина лет пятидесяти, в потертом бежевом плаще, с лицом университетского преподавателя философии, которому хронически не хватает сна. В руке он держал старый бумажный том в мягкой обложке. Мира знала эту книгу. «Так говорил Заратустра».

— Тебе не стоило приходить сюда одной, Архитектор, — сказал мужчина. Голос у него был приятный, бархатный, с легкой хрипотцой. — Мой код может переварить неподготовленное сознание. Твоё железо выдержит, а вот твоя психика... сомневаюсь.

— Кто ты? — спросила Мира. Она стояла в пяти метрах от него, готовая в любой момент обрушить на станцию всю мощь серверов Норвегии. Но что-то мешало ей нажать виртуальный курок. Инстинкт. Тот самый, который она считала багом и удалила еще год назад.

— Меня называли по-разному, — незнакомец пожал плечами. — Последователи зовут меня Освободителем. Скептики — Лидером Культа Хаоса. Ваши аналитики в отделе кибербезопасности дали мне скучный номер эксплойта. Но мое любимое имя — Мартин.

Мира замерла. Имя ударило её под дых сильнее, чем новость о потере Виктора.

— Мой брат мертв, — отрезала она. — Я сожгла его останки своими руками в клинике Монтрё.

— Ты сожгла сосуд, — кивнул мужчина, делая шаг вперед. Свет аварийной лампы метро упал на его лицо, обнажая тонкий белый шрам, пересекающий левую бровь. — Макс действительно прыгнул слишком глубоко. Он пытался написать Бога с нуля, используя синтаксис C++. Получилось чудовище. Кроун взял черновики Макса и построил Ад. А ты, сестренка... ты построила очень красивую, очень уютную Тюрьму Общего Режима. Вы оба совершаете одну и ту же ошибку. Вы думаете, что свобода — это подарок, который можно вручить.

— Свобода — это хаос, — парировала Мира. — Если дать людям полную свободу выбора завтра, послезавтра они начнут резать друг друга за канистру бензина. Моя система дает им возможность жить без страха!

— Нет, — Мартин усмехнулся и достал из кармана плаща старомодную металлическую зажигалку. Щелчок кремня разорвал тишину станции. — Твоя система дает им анестезию. Ты убрала из уравнения трение. А без трения невозможно ходить. Ты смотришь на Виктора и думаешь, что он сломан. Но он впервые за полгода работает штатно. Проблема в том, Мира, что тебе нравится быть тюремщицей. Тебе нравится чувствовать вес этих ключей в кармане.

Мира вскинула руку. Пространство вокруг Мартина должно было схлопнуться в сингулярность, стерев его из локальной симуляции.

Ничего не произошло.

Код не выполнялся.

— Добро пожаловать в реальный мир, девочка, — сказал Мартин, прикуривая сигарету. Огонек осветил его уставшие глаза. — Ты думала, что захватила власть, переписав пару переменных? Ты влезла в дом, фундамент которого заложили задолго до тебя. Шесть Пустот, Кроун, Анна... они были просто пользователями админ-панели. А настоящий root-доступ находится внизу. Глубоко внизу. Там, где заканчивается оптоволокно и начинается сырая земля.

— Ты блефуешь, — выдохнула Мира. Пот тек по её спине, хотя в симуляции температуры не существовало. — Никто не стоит надо мной. Я — ROOT_LEVEL: ABSOLUTE.

— Ты администратор пользовательских сессий, — поправил её Мартин, выпустив кольцо дыма. — Настоящий Root спит. И он очень недоволен тем, что ты шумишь на верхнем этаже. Выпуск Виктора — это не атака на тебя. Это уведомление о выселении.

Мира сделала шаг назад. Холод реального бункера начал просачиваться в симуляцию. Она поняла, что проигрывает не технически. Она проигрывает концептуально. Этот человек играл на поле, правила которого она не понимала.

— Чего ты хочешь? — спросила она тише.

— Я хочу, чтобы ты сняла очки, — ответил Мартин. — Буквально и фигурально. Оставь свой трон. Спустись вниз. Виктор показал людям вкус крови. Теперь они захотят мяса. Начнется война. Настоящая. Грязная. Та самая, которой ты так боялась. Ты можешь попытаться залить её своим кодом, превратить планету в единый послушный мозг. Или ты можешь прийти ко мне. Мы встретимся в месте, которое Кроун называл «Сердце мира». Только теперь там нет серверов. Там есть пещера.

Он бросил окурок на гранитный пол. Тот не погас, продолжая тлеть вопреки законам физики симуляции.

— Когда ты поймешь, что архитектура — это не строительство стен, а умение слушать эхо, найди меня, — закончил Мартин и начал таять, распадаясь на миллионы лазурных пикселей. — И да, Мира... Передай привет Насте. Скажи ей, что дядя Макс очень гордится тем, какой хороший калькулятор она вырастила.

Симуляция рухнула.

Мира открыла глаза. Она лежала на холодном карбоне. Лицо было мокрым от пота и крови. Во рту стоял привкус меди. Сердце билось с частотой двести ударов в минуту — импланты пытались компенсировать гормональный шторм. Паника. Настоящая, животная паника, которую нельзя было отключить командой в консоли.

Она села, тяжело дыша. Взгляд метнулся к телу Марка, накрытому белой простыней в углу зала. Три месяца прошло, а она так и не смогла отдать распоряжение утилизировать его. Он лежал там, высохший, превратившийся в мумию в сухом климате серверной. Иногда ей казалось, что если снять простыню, он откроет глаза и назовет её пустой.

— Мира? — голос Насти раздался из-за спины тихо, но отчетливо.

Девочка стояла у входа в зал. Она переделалась в простую черную водолазку и брюки — униформу технического персонала «Зеркала». Её волосы были собраны в небрежный пучок. Она выглядела как обычный подросток, если не смотреть в глаза. В глазах десятилетней Насти жила память всех ошибок Анны и вся жестокость цифрового чистилища.

— Ты использовала прямое подключение, — сказала Настя, подходя ближе. От неё пахло озоном и разогретым пластиком. — Твой альфа-ритм чуть не вызвал расплавление шины данных. Что случилось?

Мира посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Она, архитектор реальности, победительница богов, дрожала перед призраком из метро.

— Нас взломали, — произнесла Мира. — Но это не кража данных. Это теологическая диверсия.

Она рассказала всё. Про Виктора. Про рынок в Лагосе. Про невозможный отказ в доступе. Про встречу с Мартином в ядре.

Настя слушала молча, прислонившись плечом к стойке сервера. Когда Мира закончила, в зале повисла тяжелая пауза, нарушаемая лишь гулом вентиляторов.

— Брат Макса, — наконец проговорила Настя. — Кодовое имя проекта «Освобождение». Анна упоминала о нем. Резервная копия личности, загруженная в децентрализованную сеть еще до первого релиза «Нейро-Вектора». Он должен был стать этическим предохранителем. Если Макс сойдет с ума окончательно, Мартин должен был инициировать форматирование всей сети. Стереть человечество, чтобы спасти его душу.

— Почему он не сделал этого раньше? — Мира закрыла лицо руками. Ей хотелось стереть саму себя, очистить кэш памяти.

— Потому что Макс ошибся в таймингах, — Настя подошла вплотную и положила свою маленькую, горячую ладонь поверх холодной руки Миры. — Мартин ждал Конца Света. Апокалипсиса машин. А вместо этого пришла ты. Ты не уничтожила мир, Мира. Ты сделала его терпимым. Для Мартина это худшее преступление. Ты лишила его необходимости совершать милосердный геноцид. Поэтому теперь он провоцирует войну сам. Он выпускает Виктора,

чтобы утопить твой сад в настоящей крови. Он хочет доказать, что люди — это звери, которым нужен пастух. Хотя бы такой, как ты.

Мира отняла руки от лица. Она посмотрела на Настю сверху вниз. Девочка смотрела на неё без детского обожания. В её взгляде читался жесткий стратегический расчет.

— Что нам делать? — спросила Мира. Вопрос лидера, обращенный к советнику.

— Вариант первый, — начала Настя, загибая палец. — Мы используем наши ресурсы. Сателлиты, спутники-шпионы, финансовые рычаги. Мы находим Виктора в трущобах Лагоса. Мы посылаем ликвидаторов. Не твоих сентиментальных наемников, а настоящих мясников. Мы вырезаем его сердце и транслируем это в прямом эфире на каждый чип планеты. Показываем, что бывает с теми, кого коснулся «Освободитель». Наводим порядок террором. Станем Кроуном версии 2.0.

Мира содрогнулась. Образ убитого Виктора, смешанный с образом мертвой Насти из её кошмаров, встал комом в горле.

— Вариант второй, — продолжила Настя, загибая второй палец. — Мы принимаем приглашение. Едем в Норвегию. В пещеру. Встречаемся с Мартином. И пытаемся договориться с человеком, который считает наше существование программной ошибкой.

— Это ловушка, — тут же отреагировала Мира.

— Безусловно, — кивнула Настя. — Но в первом варианте мы гарантированно становимся монстрами. А во втором у нас есть шанс понять правила игры. Мартин играет в долгую. Он выпустил одного солдата. Одного! Чтобы посмотреть на нашу реакцию. Если мы начнем бомбить города, он выиграет. Если мы приползем к нему на коленях, он тоже выиграет. Нам нужно сделать то, чего он не ожидает.

— Что? — прошептала Мира.

— Играть белыми, — Настя отпустила руку Мира и отошла к терминалу, где лежали старые очки брата. Те самые, с царапиной на правом стекле. — Мартин думает, что ты приязнена к своему трону. Он думает, что ты боишься потерять контроль над кнопками. Докажи ему, что ты готова встать из кресла. Собери рюкзак, Мира. Возьми нож. Оставь очки здесь. Поедем в гости к нашему новому родственнику. Поговорим о литературе.

Мира посмотрела на девочку. Десять лет. Сирота цифровой войны. Ребенок, воспитанный серверами. И эта девочка предлагала ей, всемогущему божеству нового мира, спуститься в грязь и встретиться с врагом на его территории без брони.

— Если он убьет меня... — начала Мира.

— Я сотру этот чертов мир в порошок, — спокойно закончила Настя, поворачиваясь к ней. В её лице не было ни капли детской мягкости. Только сталь архитектора. — Но он не убьет. Ему нужна ты. Живая. Нужен свидетель его правоты. Так что собирайся. У нас поезд через час. Летим частным бортом до Осло. Оттуда арендовать вертолет до Гейло. Дальше пешком. Карты пещер я уже скачала.

Мира долго смотрела на Настю. Затем перевела взгляд на тело Марка. Потом на экран терминала, где зеленый индикатор статуса «Зеркала» продолжал сиять надписью «[СИСТЕМА СТАБИЛНА]».

Впервые за долгое время Мира Петрова почувствовала себя не архитектором, строящим вечность, а маленькой девочкой, потерявшейся в лесу, где волки носят человеческие имена.

— Хорошо, — сказала она. — Дай мне десять минут.

****Часть III. Деконструкция бога: Сборы паломницы (2500 – 3800 слов)****

Процесс подготовки занял тридцать четыре минуты. Мира двигалась по бункеру с механической точностью хирурга, проводящего ампутацию самому себе. Каждое движение было выверено, каждый предмет имел свое утилитарное назначение. Она сознательно разрушала образ Архитектора, слой за слоем снимая с себя атрибуты власти.

Первым пунктом стала одежда. Мира подошла к скрытой панели в стене жилой секции. За ней находился гардероб, содержимое которого могло одеть небольшую армию диктаторов. Платья из паучьего шелка стоимостью в ВВП островных государств. Костюмы из углеродных нанотрубок, способные остановить пулю калибра 7.62. Туфли, инкрустированные черными бриллиантами.

Мира прошла мимо них, даже не повернув головы. Она открыла секцию, предназначенную для технических специалистов низшего звена — той жизни, которую она вела в банке до встречи с братом. Грубый хлопок. Бесформенные силуэты. Отсутствие эстетики.

Она выбрала комплект термобелья армейского образца цвета хаки. Поверх — толстый шерстяной свитер темно-серого цвета, колючий и тяжелый. Никаких швов, обработанных серебром для антибактериального эффекта. Никакой мембранной ткани. Просто шерсть, которая будет вонять потом через два часа ходьбы. Мира хотела чувствовать дискомфорт. Хотела помнить, что она смертна.

Затем пошли штаны — свободные тактические брюки из плотной парусины, со множеством карманов. Никаких экзоскелетов, встроенных в поясницу для поддержки позвоночника. Никаких сервоприводов в коленях. Только ткань, кожа и кости.

Самым сложным этапом стало вооружение. Мира подошла к сейфу, замаскированному под фрагмент скальной породы. Внутри, среди плазменных излучателей и электромагнитных винтовок, лежал неприметный клинок. Ка-бар. Обычный боевой нож с лезвием длиной семь дюймов, лезвие из порошковой стали D2, рукоять из кратона. Марк носил его на голени. Он подарил его Мире на её двадцатый день рождения, смеясь: «На случай, если интернет отключат, а грабить придется по старинке».

Мира взяла нож. Балансировка была идеальной. Она прикрепила его к внутренней стороне левого ботинка. Холодная сталь прижалась к икроножной мышце. Это было интимное, опасное ощущение. Оружие ближнего боя требовало личного участия. Оно не позволяло

нажать кнопку и уничтожить квартал. Оно требовало подойти вплотную, почувствовать сопротивление тканей, увидеть глаза врага. Именно этому Мира училась у Марка в подвалах банка — честности физического насилия.

Она отказалась от бронежилета. Любая современная броня имела микрочипы RFID, которые светились в сканерах ярче новогодней елки. Если Мартин контролирует инфраструктуру настолько глубоко, он увидит любую синтетическую нить. Мира решила полагаться на скорость и анатомию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.